

Виктория Токарева

О том, чего
не было

И з д а т е л ь с т в о « А з б у к а »

Виктория Токарева

О том, чего не было (сборник)

«Азбука-Аттикус»

1969, 1972

Токарева В. С.

О том, чего не было (сборник) / В. С. Токарева — «Азбука-Аттикус», 1969, 1972

«Все беспокоятся о пенсии: на что они будут жить в старости. Стаж можно восстановить: где работал, когда, сколько времени. Но нельзя восстановить, как ты жил. Нравственный стаж». В. Токарева

Содержание

Предисловие	6
О том, чего не было	7
Уж как пал туман...	19
Зануда	24
Закон сохранения	30
«Где ничто не положено»	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Виктория Самойловна Токарева

О том, чего не было. Рассказы

© Токарева В. С., 1969, 1972

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

Рассказы Виктории Токаревой производят свежее и радостное впечатление. Да, радостное, хотя иные из них говорят о грустном, печальном, о несостоявшихся судьбах, о долгих заблуждениях человеческого сердца, о том, что и самых близких людей разделяет порой незримая полоса отчуждения. Радостью одаривает молодой, искрящийся талант писательницы, ее умение освежать самое обыденное, привычное.

Виктория Токарева смотрит на мир так, будто другие глаза его еще не видели, будто ей дана возможность впервые обнаружить природу и суть вещей. Это дерзко, но это и привлекает в ее работе. Порой вполне реалистично, порой сказочно она переоткрывает мир вокруг нас, и начинаешь наново ощущать смысл, значение и моральных категорий, и своих простых, каждодневных человеческих обязанностей, и всех, казалось бы, немудреных, а на деле сложнейших, тончайших связей, что сочетают тебя с родными, близкими, сослуживцами, соучениками и вообще СО-жителями на земле.

Каждый рассказ Виктории Токаревой несет в себе определенный нравственный заряд, и в этом – не побоюсь показаться банальным – воспитательный смысл ее необычного, изящного, стремительного сборника. Смешное, ироничное, полусказочное, вроде бы не слишком обязательное оборачивается серьезным и глубоким разговором о жизни, о людях, о времени, в котором мы живем.

Виктория Токарева остается художником в каждом своем рассказе. Я говорю «в каждом», потому что, на мой взгляд, в книге нет плохих рассказов. Есть отличные, есть очень хорошие и просто хорошие. А главное – есть книга. Есть единство, которое отличает настоящую книгу рассказов от случайной.

Юрий НАГИБИН

О том, чего не было

И был день, когда папа взял мальчика Диму в зоопарк и показал ему тигра. У тигра были зеленые глаза с вертикальными зрачками, вокруг черного кожного носа расходились черные круги, а уши торчали на голове, как два равнобедренных треугольника.

– Папа, – сказал Дима, когда они отошли от клетки, – я хочу тигра.

Папа шел и думал о своем.

– Ну, па-па... – заканючил Дима.

– Ну что, что? – раздраженно спросил папа.

Если бы Дима был постарше, он бы понимал, что в такие минуты о делах говорить не следует. Но Диме было только шесть лет, и он сказал:

– Я хочу, чтобы тигр жил у меня дома.

– Дома живут кошки и собаки, – ответил папа. – А тигры дома не живут.

И прошло двадцать лет. Дима работал врачом в «Неотложной помощи». Люди вызывали его к себе домой, когда им было плохо, и очень радовались Диминому приходу. Но как только им становилось лучше и Дима уходил, они совершенно о нем забывали. Таково свойство человеческой натуры.

Работа была не творческая, однообразная. И люди, с которыми Дима сталкивался, были тоже однообразные. Когда у человека что-нибудь болит, он говорит с врачом только на эту тему и становится малоинтересен.

В день, о котором пойдет речь, Дима был вызван к пациентке, у которой болело внутри.

– Где именно? – уточнил Дима.

– Именно внутри, – уточнила пациентка.

Когда Дима ничего внутри не обнаружил, женщина обиделась и выразила свое отношение к медицине вообще и к Диме в частности. Дима мог бы достойно возразить, но пререкаться с пациентами было запрещено. Он уложил свой черный кожаный чемоданчик и вышел.

Нерастроченная злость давила на ребра, и Дима, оглянувшись на дверь, сказал одно только слово:

– Лошадь.

И была у Димы любовь по имени Ляля.

Ляля работала в парикмахерской и каждые две недели красила волосы в разные цвета. Они были у нее то черные, то оранжевые, то голубые.

Дима приходил после дежурства, останавливался возле окна парикмахерской. Окно было во всю стену, и там, за стеклом, как в аквариуме, медленно двигались люди. Все это напоминало замедленную съемку, а Ляля со своим капризным личиком испорченного ребенка как две капли воды походила на Брижит Бардо.

Запросы с Брижит у нее были одинаковые, возможности тоже.

В день, о котором пойдет речь, Ляля, как всегда, вышла на улицу и, скучно поглядев на Диму, проговорила:

– Шапку бы ты себе купил другую, что ли...

Это было неуважение.

И пришел Дима домой, а дома его спросили:

– Ты финскую мойку достал?

– Нет, – сказал Дима.

– Почему?

– Я пришел в магазин, сказали «нет».

– А почему Замскому сказали «да»?

– Я не знаю почему.

– А я знаю, – сказала Дими́на мама. – В детстве ты не умел элементарно хулиганить, как все дети, а сейчас ты даже не можешь элементарно мечтать, как все бездельники. У тебя ничего нет и никогда ничего не будет.

Далее мама добавила, что на Диме очень удобно возить воду и что тут ничего не исправишь, потому что эта особенность у него врожденная, унаследованная от папы.

И пошел Дима в пельменную и напился от этих слов. Если ему было хорошо, то от выпитого становилось еще лучше. А если плохо, то еще хуже.

Сейчас ему стало еще хуже. Дима хмуро глядел в мраморный столик и слушал двух своих новых знакомых, стоящих за этим же столиком. На одном была плоская кепочка, другой – без особых примет.

– Ты чего больше всего хочешь? – спрашивал тот, что без примет, у того, кто в кепочке. – Какая у тебя мечта?

– У меня мечта жить долго и не болеть.

– А у меня мечта быть знаменитым, как артист Филиппов.

– Зачем?

– Чтобы я шел по улице, а люди останавливались и говорили: «Вон Охрименко пошел».

Я Филиппову письмо послал, ответа жду.

– Банальная мечта, – вмешался Дима.

– А у вас какая? – с почтением спросил Охрименко и вытер пальцами углы губ.

Дима подумал и сказал:

– Я хочу, чтобы у меня дома жил тигр.

– Дома живут только кошки и собаки, – резонно заметил человек в кепочке.

– Я понимаю, – покорно согласился Дима и вздохнул. – Я не вовремя родился. Лишний человек. Трагическая личность. Вот Энгельс сказал: «Что такое трагедия? – Столкновение желания с невозможностью осуществления...»

Безызвестному Охрименке стало жалко Диму, и он сказал:

– А вы сходите в зоопарк. Может, там есть лишний тигр...

И пошел Дима в зоопарк.

Последний раз он был здесь двадцать лет назад с папой.

И сейчас, когда шел мимо клеток, думал о том, что выросшим детям в зоопарк ходить не следует.

Раньше, двадцать лет назад, Дима видел только орла. А сейчас он видел орла в клетке. Клетка была открыта сверху, и над орлом было небо, но взлететь в него он не мог, потому что у него были подрезаны крылья. Орел сидел на широком пне, свесив свои подрезанные крылья, и походил на деревянную статуэтку, какие продаются в посудно-хозяйственных магазинах.

Тигр спал в своей клетке, лежа на боку, вытянув лапы. Живот у него поднимался и опускался – может быть, ему снилась пустыня.

Дима представил себе, что такой же хищник будет лежать поперек его комнаты, храня тайну пустынь, и сердце его наполнилось дерзостью. А все остальные жизненные противоречия показались несерьезными.

Дирекция зоопарка размещалась в одном помещении с певчими птицами. Видимо, в зоопарке тоже была своя жилищная проблема.

Директор сидел за столом и читал какие-то бумаги, наверное, очень скучные, потому что, когда Дима вошел, обрадовался и широко улыбнулся Диме, обнаруживая сразу все зубы – голубоватые и безукоризненные, как бывают безукоризненные искусственные зубы.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался Дима.

– Чем могу служить? – обрадовался директор.
– Скажите, у вас нет случайно, – Дима сделал ударение на слове «случайно», – лишнего тигра?

– Чего?

– Тигра...

– Вы из какой организации?

– Я не из организации. Я в индивидуальном порядке.

– А зачем вам тигр?

– Просто так.

– Просто так даже вороны не каркают, – не поверил директор. – Для чего-то он вам все-таки нужен...

– Я хочу, чтобы тигр жил у меня дома.

– А вы не боитесь, что он вас сожрет?

– Я его приручу.

– А зачем? Каков конечный результат?

Директор смотрел на Диму как на представителя современной молодежи и думал, что, может, молодежь знает что-то такое, чего не знает их поколение. Но Дима ничего такого не знал.

– Конечный результат у всех один, – сказал Дима. Он знал это как врач. – Зачем об этом думать?

Директор спрятал зубы и перестал улыбаться.

– У нас нет лишнего тигра, – сказал он. – Да и не может быть. Ведь это такая ценность.

– Я куплю, – пообещал Дима.

– Это не в ваших возможностях, – объяснил директор зоопарка.

Дима оглянулся на дверь и что-то прошептал директору на ухо. Он учитывал опыт с финскими мойками.

– Нет у нас тигров, честное слово, – искренне сознался директор. – Вы сходите в цирк к дрессировщику, может, там есть...

Дрессировщик открыл Диме дверь и, выслушав вопрос, в дом не пустил. Дрессировщик решил, что к нему пришел человек с манией. Он уже знал одного такого – очень общительного человека, который, когда останавливался для беседы, протаскивал у собеседника сквозь петлю на пальто связку ключей. Прощаясь, он снова протаскивал ключи, только в противоположном направлении. У него была мания отпирать людей, а потом снова их запирать.

Дрессировщик поглядел на Диму с отчужденным любопытством. Ключей в руках у Димы не было, он стоял безоружный перед дрессировщиком, мигал ресницами, прямыми и белыми, как крылья у бабочки-капустницы.

– Вы меня разыгрываете? – осторожно спросил дрессировщик.

К нему иногда приходили люди исключительно с этой целью. Такие люди считали, что дрессировщик имеет дело с кастрированными тиграми, которые отличаются от обычной кошки только размером.

– Я вас не разыгрываю, – серьезно сказал Дима.

– Вы хотите его дрессировать?

– Нет. Я ничего не хочу.

– А зачем же вам тигр?

– Мечта...

– Странная мечта, – удивился дрессировщик.

– У каждого своя.

– А где вы работаете?

– Я врач.

– Хирург?
– Нет, терапевт.
– А почему у меня по утрам мешки под глазами? – оживился дрессировщик.
– По разным причинам, – сказал Дима. – Может, сердце, а может, почки.
– Да, – дрессировщик проникся к Диме доверием и задумался. Думал о том, что человек лечит людей и мечтает о тигре. А он, дрессировщик, никогда о них не мечтал. Он всю жизнь мечтал разъехаться с тещей, чтобы жить отдельно и не висеть друг у друга в глазах.
– У меня нет для вас тигра, – очнувшись, сказал дрессировщик. – Мне самому не хватает.
– Мне только одного, – взмолился Дима.
– Я понимаю, что одного, а не десять. Но мне он нужнее, чем вам. У вас мечта, а у меня орудие производства.
– Что же делать?
– Я не знаю. – Дрессировщик поскреб макушку. – Пойдите в Уголок Дурова, может, там есть...

В Уголке никого из начальства не оказалось на месте. В кабинете директора сидела девушка-секретарша и тихо разговаривала по телефону.

Когда Дима вошел, она перестала разговаривать и нежно, внимательно поглядела сквозь Диму. Глаза у нее были накрашенные и очень красивые.

– Здравствуйте, – поздоровался Дима.

– Здравствуйте, – сказала девушка, продолжая улыбаться, но не Диме, а тому, с кем разговаривала.

– У вас нет тигра? – спросил Дима. Он ожидал, что девушка удивится и спросит, из какой он организации и зачем ему тигр.

Но девушка не удивилась и ни о чем не спросила. Она опустила трубку на колени и вежливо ответила:

– У нас есть кролики, голуби, енот. Аквариум есть, а тигра у нас нет.

Девушка подняла трубку с колен и, опустив глаза, что-то тихо в нее проговорила.

– До свидания, – сказал Дима.

Она подняла глаза, кивнула и засмеялась, но не Диме, а тому, с кем разговаривала.

Дима шел по улице, смотрел на людей и по профессиональной привычке ставил диагнозы. По дороге ему попались два гипертоника и ребенок в возрасте до года с признаками рахита.

Дома он из-за ничтожного повода поссорился по телефону с Лялей и вовсе безо всякого повода разругался с мамой. Папа сидел на диване и читал газеты. Его интересовали судьбы мира.

Дома делать было нечего, и Дима пошел к соседке Регине. Регина жила этажом ниже и жила одна. Прежде она была два раза замужем, и оба раза неудачно: Регина вкладывала в своих мужей всю душу, молодость и деньги, а мужья, не испытывая даже элементарной благодарности, уходили к другим женщинам, которые были хуже Регины и не вкладывали ничего.

Регина открыла Диме дверь, поглядела на него исподлобья снизу вверх, держа у носа платочек.

– А, это ты, – разочарованно сказала она. – Проходи, только не разговаривай. Я буду работать.

Дима сел на диван и стал смотреть на Регину. Регина листала чужую рукопись – она работала корректором, – и под фланелевым халатом двигались ее лопатки.

В комнате было чисто и уютно, у Регины был красивый четкий профиль, но все это – ее опрятность и красота – оставалось невостребованным.

– Паршивое настроение, – проговорил Дима.

Регина промолчала и перевернула страницу.

– Хорошо бы у человека была в мозгу такая кнопка: нажмешь – и забудешь все, что хочешь забыть. – Диме хотелось забыть тигра.

– Послушай, – Регина обернулась, и лицо ее стало одухотворенным. – У меня поясница болит, прямо разламывается. Почему бы это?

– Не знаю, – сухо ответил Дима. Ему надоело с утра до вечера слушать про болезни. Все ждали от него помощи, а ему самому никто не хотел помочь. – Не знаю, – повторил он. – Может, почки, а может, радикулит.

– Как это не знаешь? – удивилась Регина. – Ты же врач...

– Надо проверить мочу, – сказал Дима и вернулся домой.

Кнопки в мозгу действительно не существует, но зато существует телепатия. Когда человек о чем-то непрестанно думает, от его мозга во все стороны идут тугие плотные волны. Эти волны наполняют квартиру и, не уместаясь в ней, выплывают за окно. За окном они распространяются вверх и в стороны и наталкиваются на антенны. Эти антенны стоят на домах, как маленькие рисованные человечки с воздетыми руками-палочками. Человечки стоят с распахнутыми руками и принимают на себя все, что есть в мире: слова, музыку и мысли. Они принимают все, что есть в мире, и через приемники передают это в дома к людям. Музыка и слова обычно слышны, а мысли нет. Мысли не слышны, но они чувствуются. И если кому-то где-то очень плохо, то у другого человека, даже если он живет на противоположном конце света, ни с того ни с сего может испортиться настроение.

Дима лежал на диване и думал о тигре, вокруг его головы, как нимбы, вспыхивали невидимые биотоки. И в этот момент раздался телефонный звонок.

Звонил бывший Димин школьный товарищ, ныне геолог Вася. Вася поздоровался и рассказал, что недавно он вернулся из уссурийской тайги, где нашел позвоночник от вымершего мамонта, и, кроме позвоночника, он привез из тайги в подарок дочке маленького тигренка. Жена почему-то активно возражает против такого подарка и требует, чтобы Вася передал его безвозмездно либо государству, либо частному лицу.

И сбылась мечта!

У Охрименки не сбылась, и у девяноста девяти процентов человечества не сбывается. А вот у Димы сбылась.

В его комнате поселился большеголовый тигренок. Глаза у него были зеленые с вертикальными зрачками, вокруг черного кожного носа расходились черные круги, а уши торчали на голове, как два равнобедренных треугольника.

Дима должен был испытывать счастье и восторг, но особенно яркого восторга он не испытывал. Было удивление, какая-то легкая опустошенность, а восторга не было. Просто Дима первый раз переживал осуществление мечты и не знал, что именно так оно и выражается: удивление, опустошенность и покой.

Дима спустился этажом ниже и позвонил к Регине. Регина открыла ему дверь, глядя исподлобья снизу вверх, держа у носа платочек.

– А, это ты, – разочарованно сказала она.

Дима молча отвел полу пиджака, показав внутренний карман, откуда торчала бутылка «Старки».

Регина повернулась и пошла в глубь комнаты, а Дима, запахнув пиджак, двинулся следом. Регина достала из серванта рюмки и розетки. Все это было из хрусталя и блестело.

– За что? – спросила она и проглотила какую-то таблеточку. У Регины была аллергия, и она пила водку только после лекарства.

– За мечту, – предложил Дима.

– Ну, за это я пить не буду, – отказалась Регина.

– Но ведь невозможно жить без мечты.

– Мечтай, – сказала она. – Я ведь тебе ничего не говорю.

Регина выпила и пошмыгала носиком в платочек. Лицо у нее было бледное. Она очень устала, читая чужие рукописи.

Дима тоже выпил, и ему стало хорошо.

Когда человеку хорошо, он становится добрее и желает счастья другим. Дима желал счастья всем, кого он знал и кого не знал. Ему хотелось носить это счастье в своем кожаном чемоданчике и оставлять в каждом доме, куда его вызывали с неотложной помощью.

Дима вернулся домой. Тигренок спал посреди комнаты, вытянув лапы. Брюшко у него поднималось и опускалось, треугольничек уха подрагивал во сне – должно быть, тигренку снилась уссурийская тайга. Дима некоторое время смотрел на него, потом подошел к окну и отодвинул занавеску.

За окном стояли дома в расцвеченных окнах, как новогодние елки в лампочках. А совсем внизу, темные, еле различимые в сумерках, стояли сараи.

Дима стоял, прислонившись виском к раме, и думал о том, что еще молод, что впереди у него много лет жизни и много интересных событий и встреч.

Это было воскресенье, и это было самое счастливое воскресенье во всей его сознательной жизни.

Конец дня немножко испортила мама. Мама умеют любить, как никто другой, и, как никто другой, все портить.

– Дима! – строго окликнула мама и, когда Дима обернулся на голос, молча указала пальцем в угол.

Дима проследил глазами направление пальца и увидел в углу возле тигренка лужу неправильной формы.

– Вытри! – распорядилась мама и опустила свой палец.

Этот эпизод был лишний и никак не монтировался со всем днем и с Диминим предыдущим настроением. В кино, например, режиссер пришел бы в монтажную, взял ножницы и вырезал из картины такой эпизод. Дима вырезать ничего не мог, поэтому он покорно направился в ванную комнату. В ванной на батарее висели половые тряпки, некоторые происходили от старых штанов, другие – от рогожных мешков. Дима выбрал ту, что из мешка.

Он положил тряпку на лужу, наступил на нее, потом подвигал ногой к себе и от себя. Если бы человек, живущий в доме напротив, посмотрел на Диму из своего окна, то подумал бы, что Дима танцует твист.

Окончив свой «твист», Дима взял тряпку двумя пальцами за самый конец, отнес ее в ванную комнату и кинул под батарею.

На этом эпизод был бы исчерпан, но в комнату вошел сосед и сказал:

– Добрый вечер!

– Здравствуйте, – поздоровался Дима. Он вытирал руки о полотенце.

– Я ничего не имею против того, – сказал сосед, – что вы воспользовались моей тряпкой. Но уж если вы ею воспользовались, то надо было выстирать и повесить на то место, откуда вы ее взяли.

Все было резонно. Дима вернулся в ванную, достал тряпку из-под батареи и сунул ее под холодную струю.

От воды тряпка стала темно-коричневая и тяжелая. Дима помял ее руками, почувствовал, что она липкая и скользкая одновременно.

– С мылом, – посоветовал сосед, который добровольно согласился сопровождать и консультировать Диму.

Дима взял кусок хвойного мыла и с силой провел по тряпке, так что на ней остался желтоватый мыльный рубец. Вода текла по этому рубцу, не размывая его, на пальцах скрипели песок и какие-то камешки.

– Горячей водой... – руководил сосед.

Дима пустил горячую воду, и рукам сразу стало тепло, мыло вспенилось, и вода полилась бурная и бурая, и ванна сразу стала темная, а тряпка светлая.

Диму удивил и обрадовал этот процесс. Он с благодарностью посмотрел на соседа и уже не хотел расставаться с тряпкой, стирал ее до тех пор, пока кусок мыла из прямоугольного не превратился в овальный.

После того как Дима развесил на батарее тряпку и уже снимал через голову рубашку, собираясь спать, в дверь заглянула другая соседка. Увидев раздевающегося мужчину, она войти не решилась, а просунула в дверь одну только макушку. У соседки когда-то была шестимесячная завивка, но шесть месяцев давно прошли, волосы развились и теперь походили на расчесанный мех.

Соседка, не повышая голоса, хотя и не понижая его, несмотря на поздний час, пожаловалась на то, что Дима смылил ее мыло и не убрал за собой ванну и что такое безобразие она ожидала от кого угодно, но только не от него.

За воскресеньем следует понедельник, за понедельником вторник, за вторником, естественно, среда. Среда – срединный день недели, и уже недалеким кажется воскресенье, и у рабочего человека повышается настроение.

У Димы неделя сложилась иначе. После воскресенья настал понедельник. За понедельником – снова понедельник, и вся его жизнь превратилась в одни сплошные понедельники.

Мечта в образе тигренка мяукала по ночам и прыгала к Диме на кровать. Ее надо было кормить мясом, которое стоит по два рубля килограмм. Правда, тигренку перепали кости, но кости продаются вместе с мясом и стоят столько же.

Соседи писали заявления в жилищно-эксплуатационную контору, приводили милиционера и дворника.

Любовь по имени Ляля сказала, что психически нормальные люди тигров не заводят. Ляля отказывалась ходить в дом – она одинаково боялась и Диму, и тигра.

Близкие и неблизкие знакомые пожимали плечами и снисходительно улыбались. Они чувствовали свое превосходство, а человеку всегда приятно почувствовать свое превосходство над ближним.

Мама перестала включать телевизор – она боялась сидеть без света. Вечера в семье освободились, и мама использовала это свободное время для того, чтобы упрекать папу. Папа по-прежнему молчал и смотрел в газету, но уже не так внимательно, как раньше. Он сидел на стуле, подобрав ноги, подтянув колени к подбородку, и время от времени осторожно поводил глазами по полу и по сторонам.

А тигренок тем временем рос и ничего не подозревал. Тайна и благородство в нем, возможно, были, но скрытые и внешне ни в чем не выражались. Тигренок носился из угла в угол и, как обычная лестничная кошка, гонял по комнате Димин стетоскоп. Когда ему надоедало это занятие, он вставал на задние лапы, а передними рвал обивку на диване. Тигренок точил на будущее свои когти.

Маму очень раздражала эта манера, но сделать тигренку замечание она не решалась. Молчать она тоже не могла, поэтому все мамины замечания выслушивал Дима.

Дима выслушивал и вспоминал лицо директора зоопарка и его вопросы и уже предчувствовал логику в маминых словах и в поведении Васиной жены.

Это начиналось сомнение.

Сомнение, как всякую болезнь, следует вовремя захватить и лечить, тогда оно проходит без следа.

Димино сомнение было запущенным: оно грызло его два месяца и дало тяжелые осложнения. Раньше он чувствовал его только под ложечкой и только ночью, а сейчас ощущал ночью и днем, и ощущал не только под ложечкой, а в сердце, в мозгу и даже во рту. Принимаясь за еду, Дима долго и со всех сторон оглядывал кусок, нюхал его и только потом решался есть.

Ощутив присутствие сомнения в жизненно важных центрах, Дима снял трубку и позвонил своему бывшему школьному приятелю, а ныне геологу Васе.

Дима вежливо поздоровался и спросил: не возьмет ли Вася тигра обратно? Дима пообещал вернуть его так же безвозмездно, как и взял.

Вася поздоровался и ответил, что назад он подарка ни в коем случае не возьмет и посоветовать другого такого мечтателя, как Дима, тоже не может.

– Обратись в зоопарк, – посоветовал Вася. – Там тебе хорошие деньги заплатят и ручку поцелуют.

В зоопарк Дима пошел, но ручку ему никто целовать не стал.

– Нам не надо, – сказал директор зоопарка. – У нас клетки нет.

Он посмотрел на Диму вежливо и равнодушно, и Дима не мог понять – помнит он его или нет.

– Я к вам заходил, – осторожно намекнул Дима.

– Я помню, – осторожно сказал директор.

Он помнил Диму, но не проявлял к нему интереса. Давно, когда у директора были целы все зубы, с ним тоже случилась аналогичная история: директор страстно мечтал о женщине, а потом, позже, женившись на ней, осознал, что делать это было не обязательно.

– Вы же говорили: «ценность», – напомнил Дима.

– Конечно, ценность, – согласился директор. – Поэтому мы должны ее нормально содержать. А у нас негде. Вы же знаете – жилищный вопрос вообще острый.

Директор помолчал, ожидая, что Дима попросится и уйдет.

– До свидания, – сказал Дима.

– Всего хорошего, – пожелал директор. – Вы же понимаете, зверей много, а зоопарк один. Сходите в цирк, может, там нужно.

Комната дрессировщика вместо обоев была оклеена афишами. Над столом висел большой карандашный портрет – на нем дрессировщик был изображен в профиль и выглядел редкостным красавцем.

Красота – в сантиметрах. Художник, видимо, учел эту истину. Он сделал глаза на полсантиметра длиннее, а нос на полсантиметра покороче, чем у оригинала. Общее количество сантиметров осталось то же самое.

Дрессировщик выслушал Диму и осторожно спросил:

– Вы меня разыгрываете? – Он не любил, когда его разыгрывали.

Дима промолчал. Он сидел на стуле, худой и грустный, похожий на подростка, на воспитанного мальчика из хорошей семьи.

– Странно, – удивился дрессировщик. – Вы же сами мечтали...

– Да, но... – И Дима перечислил все «но».

– Я, между прочим, тоже по два рубля мясо покупаю, – сказал дрессировщик.

– Ваших тигров содержит государство, – резонно заметил Дима. – Это разные вещи.

Это действительно было не одно и то же.

– Правильно, – согласился дрессировщик. – Но ваш тигр не в плане. На него сметы нет.

– Вы же говорили: «ценность»...

– Еще бы... – неопределенно сказал дрессировщик и рассеянно поглядел в окно. Ему надоели тигры так же, как Диме человеческие болезни.

Отворилась дверь, и в комнату вошла пожилая женщина с усами.

– Поздоровайтесь, – торопливым шепотом попросил дрессировщик.

– Здравствуйте, – послушно сказал Дима.

Женщина ничего не ответила, с достоинством вышла из комнаты и, когда вышла, хлопнула дверь.

Дима вопросительно посмотрел на дрессировщика.

– Видал? – спросил тот с каким-то мрачным удовлетворением.

– Видал, – подтвердил Дима.

– И вот так всю дорогу...

Дима вежливо промолчал. Он не знал, о чем говорит дрессировщик, и это его не интересовало.

А дрессировщика, в свою очередь, не интересовали тигры. Тигры, как люди, совершенно различные и вместе с тем абсолютно одинаковые. И в общем-то нет особой разницы, будет у него тигром больше или тигром меньше.

– Вы сходите в Уголок Дурова, – предложил дрессировщик. – Может быть, им нужен тигр?

– Нам не надо, – сказала девушка-секретарша.

Она что-то переписывала из одной большой тетради в другую большую тетрадь. Лицо у нее было заплаканное, а глаза ненакрашенные. Оттого, что ресницы были светлые, их не было заметно, и веки казались голыми.

– У нас дети. Это опасно, – объяснила секретарша.

– Это же ценность, – растолковал ей Дима.

– Мы не можем держать у себя ценность.

– А где директор? – спросил Дима.

– Нет его.

– А где он?

– Где, где... Нету – и все. А зачем он вам?

– Поговорить.

– А что говорить-то? Я вам объяснила – и все.

Когда с Димой грубо разговаривали, он очень робел и от робости сам становился некорректным.

– Нет, не все, – сказал он.

– Странный вы какой-то, ей-богу, – поделилась секретарша. – Сначала вам нужен тигр, потом вам не нужен тигр. Делать вам, что ли, нечего? Мне бы ваши заботы.

Она выдвинула маленький ящичек и вытащила оттуда третью большую тетрадь. Видимо, Димины заботы казались ей пустыми по сравнению с ее собственными.

– Ну, что вы стоите? – спросила она.

– А что делать? – тихо пожаловался Дима. – Не могу же я сам его отравить...

– А зачем сам? Отведите в ветлечебницу. Его усыпят – и все.

Когда человеку плохо, он бежит туда, где его любят, где ему верят.

Дима побежал к Ляле.

Волосы у нее на этот раз были желтые, рассыпанные по плечам. Если бы рядом с ней поставить Брижит Бардо, было бы совершенно невозможно отличить: которая из них Брижит, а которая Ляля.

День стоял весенний, и половина мостовой была сухая, яркая, а другая половина находилась в тени, асфальт там был влажный и темный.

Дима стоял на солнечной стороне. Привалившись к водосточной трубе, слушал лицом теплое солнце и чувствовал такую усталость, будто он пронес по городу тяжелые чемоданы.

– Я понимаю тебя, – печально проговорила Ляля и провела ладошкой по худой Диминой щеке. Она понимала его и жалела. Это была настоящая женщина. – Заведи себе другую мечту.

– Но это предательство! – воскликнул Дима и сложил три пальца вместе, будто собирался молиться.

– Почему предательство? – удивилась Ляля. – Осуществленная мечта – уже не мечта.

– Если я не сохраню тигра, я не знаю, как это объяснить, но от меня уйдет лучшая часть меня.

– А если ты его сохранишь, он вырастет и сожрет тебя. И от тебя вообще ничего не останется.

Лялина ладонь показалась Диме холодной и жесткой. Он снял ее со щеки, потом приподнял плечо и вытер щеку о плечо.

Ветлечебница ничем не отличалась от человеческой поликлиники, и Дима почувствовал себя в привычной обстановке.

Он снял в гардеробе пальто, потом подошел к окошечку, над которым было написано «Справочное».

– Вы первый раз? – спросили в справочном.

– Первый, – сказал Дима. – И последний.

– Это нас не интересует, – строго заметили в справочном. – Обратитесь в регистратуру, на вас заведут карточку.

Дима сделал два шага вправо и сунул голову в окошечко рядом.

– Кличка... – спросила регистраторша. Здесь говорили конспективно и коротко. Только о главном.

– Чья? – не понял Дима.

– Как вы думаете чья? Не ваша, конечно...

Дима смутился.

– Тигр, – сказал он.

– Кот?

– Тигр, – повторил Дима.

– Я спрашиваю: кот или кошка?

– Из семейства кошачьих, – неопределенно ответил Дима. Регистраторша подняла на него глаза. Дима молчал, она пожала плечами и что-то пометила в карточке.

– Фамилия?

– Чья?

– Ну не кошки, конечно. Ваша.

– Коростышевский.

– Тигр Коростышевский, – продиктовала себе регистраторша и протянула Диме талон.

В коридоре было несколько кабинетов. На скамеечках сидели люди и ждали.

Дима тоже сел на скамеечку, покрытую бежевой масляной краской, и стал дожидаться своей очереди. Перед ним сидела толстая женщина с хозяйственной сумкой на коленях. Из сумки выглядывала собачья морда – белая и лохматая, похожая на хризантему.

– Вы хотите ее усыпить? – осторожно спросил Дима.

– Бог с вами! – испугалась женщина и отодвинулась от Димы. – У нас нервное переутомление, мы ходим на уколы Б-прим.

Очередь двигалась медленно, и Дима был рад, что она двигается так медленно. Он смотрел на концы своих ботинок и мысленно мечтал, чтобы сегодняшний день скорее прошел и наступило завтра. Чтобы можно было скорее забыть о сегодняшнем дне.

Ветеринарный врач внимательно выслушал Димину историю, и когда слушал, то почему-то не смотрел на Диму, а рисовал на рецепте восьмерки.

– Мы не можем взять на себя такую ответственность, – сказал врач. – Это же не кошка, а тигр. Огромные деньги.

– Возьмите даром, – взмолился Дима. – Я даром отдам.

– Не надо нам даром, – врач перестал рисовать восьмерки и поднял на Диму глаза: – Нам и даром не надо...

И вернулся Дима домой, а тигра нет.

– Не знаем, – сказали родители.

– Не знаем, – сказали соседи.

Дима обошел всю полезную площадь квартиры и места общего пользования, но тигра не было нигде.

– Наверное, убежал, – сказали соседи, – в уссурийскую тайгу.

– Хищники, они неблагодарные, – сказали родители.

Дима долго не ложился спать, а когда наконец лег, то никак не мог заснуть. Он все время ждал, что в дверь позвонят и, когда он ее приоткроет, просунут в щель тигренка.

Дима лежал и прислушивался, глядя над собой, и в голове у него крутилась фраза из какой-то песни. Он никак не мог освободиться от этой фразы и от напряжения. Но никто к нему не пришел и тигренка не просунул. Может быть, он действительно сбежал в уссурийскую тайгу.

Прошла неделя.

Дима по-прежнему работал в «Неотложной помощи» и уже видел в своей работе большой смысл.

И любовь по имени Ляля выходила к нему и разговаривала, потому что Дима был хоть и со странностями, но с серьезными намерениями.

И родители согласились, что лучше быть таким тьюфом, как Дима, чем таким ловким, как Замский.

И соседи стали приветливее. Люди вообще не любят, когда кто-то живет иначе, чем они.

Все шло хорошо – гораздо лучше, чем прежде. Дима поправился, и посвежел, и стал забывать о том времени, когда рядом с ним в комнате жил тигр. Но однажды, придя с ночной смены, он лег спать, и тигренок приснился ему во сне – большеголовый, с зелеными глазами, зрачки вертикальной черточкой. Вокруг черного кожного носа расходились черные круги, а уши торчали на голове, как два равнобедренных треугольника.

Дима проснулся. Голова гудела, и было такое чувство, будто он наелся ваты. Стояли сумерки, и он никак не мог понять – утро сейчас или вечер. Потом, догадавшись по некоторым приметам, что вечер, оделся и вышел на улицу.

Дима зашел в пельменную и неожиданно для самого себя напился.

Если ему было хорошо, то от выпитого становилось еще лучше. А если плохо, то еще хуже. Сейчас ему стало хуже, и он понял, что, значит, до этого ему было плохо.

Дима хмуро глядел в мраморный столик и слушал своих старых знакомых – Охрименку и другого, в плоской кепочке. И у Димы было впечатление, что с того раза, как он их здесь встретил два месяца назад, эти люди отсюда не выходили.

– Ну что, прислал тебе Филиппов письмо? – спросил Дима у Охрименки.

– Нет, еще не прислал. А ты достал себе тигра? – спросил Охрименко у Димы.

Дима поглядел на него и вдруг задумался: если он сознается сейчас в том, что мечта сбежала сама, ему, кроме как на себя, не на кого будет пожаловаться. И вообще он окажется неинтересным человеком, безо всякой мечты.

– Я не вовремя родился, – сказал Дима и сложил пальцы так, будто собирался молиться. – Лишний человек. Трагическая личность. Вот Энгельс сказал: «Что такое трагедия? – Столкновение желания с невозможностью осуществления».

Безызвестному Охрименке стало жалко Диму, но он ничего не сказал. Он сам находился в таком же положении.

Уж как пал туман...

– Челку поправь! – приказала Ирка.

– Как? – виновато поинтересовалась Наташа.

– Как, как, господи! – расстроилась Ирка, вытерла руки о фартучек и задвигалась вокруг Наташи. Двигалась она легко, прикосновения у нее были легкие, и пахло от нее французскими духами.

Ирка обладала тем типом внешности, о котором говорят: «Ничего особенного, но что-то есть». У Ирки было все: она работала в Москонцерте, в нее были влюблены все чтецы и певцы, ездила за границу – то за одну, то за другую. Собиралась замуж – у нее были наготове три или четыре жениха.

Наташа обладала тем типом внешности, о котором говорят: «Вроде все хорошо, но чего-то не хватает». То, что все хорошо, считала Наташина мама и еще несколько доброжелательных людей, остальная часть человечества придерживалась мнения, что чего-то не хватает. Со временем доброжелательные люди примкнули к остальной части человечества, верной осталась только мама. Она говорила: «У тебя, Наташа, замечательные волосы, к тебе просто надо привыкнуть».

– Сиди прямо! – приказала Ирка.

Она вышла из кухни, потом вернулась с французскими духами. Ирка не жалела для Наташи ни духов, ни одного из своих женихов, но это никогда ничем не кончалось. Певцы пели песни советских композиторов, чтецы читали: «Жизнь моя, иль ты приснилась мне?...» Фокусники показывали фокусы со спичками.

Не веря больше в эстрадный жанр, Ирка раздобыла где-то настоящего мужчину, который плавал в Баб-эль-Мандебском проливе и ходил с ружьем на медведя.

– Щас я тебя пофурыкаю, – предупредила Ирка.

– Не надо...

– Понимала бы! – Ирка заскакала вокруг Наташи, опрыскивая ее из пульверизатора.

– Не надо, – Наташе жаль было духов, которые назывались «Chat noir», что в переводе означает: «Черная кошка». – Все равно ничего не получится.

– Неизвестно, – возразила Ирка. – Он строит ГЭС, не помню какую, в труднейших условиях. Строитель лучшей жизни. Про таких Пахмутова песни пишет, а он к нам живой придет.

– Может, не придет? – с надеждой спросила Наташа.

В это время позвонили в дверь.

Наташа вздрогнула и посмотрела на Ирку, Ирка – на Наташу, выражение лиц у обеих на мгновение стало бессмысленным. Потом Ирка метнулась в прихожую, и оттуда послышались голоса.

Наташа сидела на низкой табуретке посреди кухни и не знала, что делать.

Она окончила консерваторию, умела петь с листа и писать с голоса, могла услышать любой самый низкий звук в любом аккорде. А здесь, на Иркиной кухне, она чувствовала, что это никому не надо и она не в состоянии поменять все то, что она может, на то, чего не может.

Наконец отворилась дверь и вошел настоящий мужчина, строитель лучшей жизни.

Наташа успела заметить, что рубашка у него белая и некрахмальная, лежит мягко... Волосы русые, растут просто, а лицо неподвижно, будто замерзло, и на нем замерзло обиженное выражение.

– Знакомьтесь, – сказала Ирка.

– Толя, – строитель протянул руку.

– Наташа, – она пожала его жесткие пальцы и посмотрела на Ирку.

– Садитесь, – непринужденно руководила Ирка.

Толя сел и прочно замолчал. Иногда он поднимал глаза на стену, а со стены переводил на потолок.

– Скажите, – начала Ирка, – вы действительно плавали в Баб-эль-Мандебском проливе?

– Ну, плавал, – не сразу ответил Толя.

– А как, как, как? – обрадовалась Ирка.

Толя очень долго молчал, потом сказал:

– В скафандре.

– А зачем? – тихо удивилась Наташа.

– А надо было... – недовольно сказал Толя.

– И на медведя ходили? – Ирка не давала беседе обмелеть.

– Ну, ходил...

– А как вы ходили?

Ирке надо было подтвердить, что в ее доме настоящий мужчина.

– С ружьем, – сказал Толя.

– Страшно было? – тихо поинтересовалась Наташа.

– Не помню. Я давно ходил.

Ирка тем временем подала кофе.

– Я коньяк принес, – сказал строитель, – на лестнице поставил.

– Почему на лестнице? – Ирка подняла брови.

– Не знаю, – сказал строитель, и Наташа поняла, что он постеснялся.

Ирка вышла на лестничную площадку и увидела возле своей двери бутылку.

– Могли стащить, – объяснила она, вернувшись.

– Ага... – беспечно сказал строитель.

– А вы есть хотите? – тихо спросила Наташа.

– Ужас! – сказал Толя, и всем стало весело.

Когда половина бутылки была выпита, Толя первый раз посмотрел на Наташу и сказал:

– Вчера попал в одну компанию, там такая девочка была... И парень с ней в кожаных штанах. Вам бы он не понравился.

– Почему? – спросила Наташа.

– Потому что вы серьезная.

«Как раз понравился бы», – подумала Наташа, но ничего не сказала.

– Ну, ну... – Ирка обрадовалась, что Толя заговорил.

– Он пижонить начал, говорит: в каждом человеке девяносто процентов этого... Ну, сами понимаете.

– Чего? – не поняла Ирка.

– Дерьма. А я ему говорю: «Ты не распространяй свое содержание на других».

Толя замолчал. Наташа поняла, что он обижен и переживает.

– Не обращайтесь внимания, – сказала она.

– Да вообще-то, конечно, – согласился Толя.

– Вы где живете?

– Нигде.

– Как это «нигде»?

– Очень просто. Плаваю – и все.

– А дом-то у вас есть?

– Был, а теперь нет. Давайте выпьем.

Все подняли рюмки.

– Жена сказала: «Надоел ты мне». Я и ушел.

– Жалко было? – спросила Ирка.

– Чего?

– Жену.

– Жалко. – Толя прищурился. – До слез жалко. Однажды ночью просыпаюсь и плачу. Слезы текут, ничего поделать не могу. Думаю: господи, да я ли это...

Все замолчали, думая о своей жизни, и только Ирка не умела думать о себе.

– Неужели никак нельзя было? – Она посмотрела на Толю.

– Наверное, нельзя. Я без жены еще как-то проживу. А без своей работы – нет.

– Понятно, – сказала Наташа. Ей это было понятно.

Ирка включила приемник. Заиграл симфонический оркестр.

У Толи глаза были голубые, а волосы русые. За его спиной висела занавеска, а за занавеской лежал город – далеко, во все стороны. А после города кончались дороги и начинались поля и деревни, потом другие города.

Наташа вдруг кожей ощутила это все: расстояние и бесконечность.

– Так-то ничего бы, – сказал Толя, – плохо только, писем нет. Когда на корабль письма приходят, как будто веревка от земли протягивается. Не утонешь, ни фига с тобой не сделается. А когда писем нет...

– Хотите, я вам напишу? – предложила Наташа.

Толя промолчал. Ему не нужны были Наташины письма. Вот если бы написала жена или в крайнем случае девочка – приятельница парня в кожаных штанах.

Толя многое умел: ходить на медведя, опуститься на дно в скафандре. Он умел интересно жить, но не умел интересно рассказать об этом. И не в силах был поменять то, что он может, на то, чего не может.

– Ничего, – сказала Ирка, – все будет хорошо.

Ей хотелось, чтобы у всех было все хорошо.

Соседская девочка собиралась в детский сад. Она вытаскивала на середину комнаты все свои игрушки и разговаривала с ними. Слов было не разобрать, но звук голоса и интонации доносились четко. Дом был блочный, слышимость хорошая.

Наташа лежала с открытыми глазами, слушала девочку и думала о себе. О том, как три года назад Игорь сделал предложение, она согласилась в ту же секунду, потому что Игорь был не халтурщик – они много бы переделали в жизни хороших дел. А на другой день он позвонил, извинился и сказал, что передумал.

– Не сердись? – спросил он.

– Да ну, что ты... – сказала Наташа. – Конечно, нет...

Говорят: война... А бывает, что и в нормальной жизни, среди гостей и веселья, все может кончиться одним телефонным звонком.

– Сни-ми-и! – кричала сверху девочка. Ей что-то надевали, а она протестовала.

В комнату из кухни вошла Наташина мама. Она работала медсестрой в больнице, любила тяжелобольных и презирала тех, кто болел несерьезно. Она любила людей, которым была необходима.

Мать послушала, как кричит сверху девочка, и сказала:

– Господи, всю нервную систему ребенку расшатали... – Если бы у нее была своя внучка, она ни за что не шатала бы ее систему, а жила только ее интересами.

– Мам, – сказала Наташа, – хочешь, я ребенка рожу?

– От кого?

– От меня.

– Идиотка! – сказала мать.

– Ну что ты ругаешься, я же только спрашиваю.

Зазвонил будильник, отпирая новый день.

Училище размещалось в старом особняке. Раньше в этом особняке жил обедневший дворянин. Комнаты были тесные, лестница косая. Наташа любила эти комнаты и лестницу, коричневую дверь с тугой и ржавой пружиной, тесноту и пестроту звуков.

В самой большой комнате, которую дворянин прежде называл «залой», а теперь все звали «залом», занимался хор.

Здесь все как обычно: та же декорация, сорок стульев, рояль. Те же персонажи – сорок студентов, концертмейстер Петя. Концертмейстер – профессия не видная. Например, по радио объявляют: «Исполняет Лемешев, аккомпанирует Берта Козель». Лемешева знают все, а Берту Козель не знает никто, хотя объявляют их вместе.

В консерватории Петя учился тремя курсами старше, его звали «членистоногий». Было впечатление, что у Пети на каждой руке по два локтя и на каждой ноге по два колена и что он весь может сложиться, как складной метр. Сразу после звонка отворяется дверь и появляется следующее действующее лицо – декан Клавдия Ивановна, за глаза – «та штучка». Она окончила университет, к музыке никакого отношения не имеет, не может отличить басового ключа от скрипичного. Осуществляет общее руководство.

Принцип ее руководства состоит в том, что раз или два раза в год она выгоняет какого-нибудь отстающего и неуспевающего. Раз или два раза в год под косой лестницей бьется обалдевшая от рыданий жертва, а вокруг тесным кольцом в скорбном и напряженном молчании стоят друзья-однокурсники, и каждый предчувствует на этом месте себя.

Сейчас «та штучка» вошла и села возле дверей на свободный стул. Студенты и студентки выпрямили позвоночники, как солдаты на смотре.

Наташа не обернулась. Пусть декан беспокоится, и царственно откидывает голову, и изобретает принципы. А она – дирижер. Ей нужны только руки, чтобы было чем махать, и хор, чтобы было кому махать. И хорошая песня – больше ничего. А посторонние в зале не мешают. К посторонним, равно как и к публике, дирижер стоит спиной.

– «Эх, уж как пал туман», – сказала Наташа и движением руки подняла хор.

Она внимательно смотрит на первые сопрано, потом на вторые. Идет от одного лица к другому. Это называется – собрать внимание. Но Наташа ничьего внимания не собирает. Слушает сосредоточенно: ждет, когда задрожит в груди поющая точка. Потом эта точка вспыхивает и заливает все, что есть за ребрами, – сердце и легкие. И когда сердце сокращается, то вместе с кровью посылает по телу вдохновение. Наташа до самых кончиков пальцев наполняется им, и становится безразличным все, что не имеет отношения к песне.

Наташа качнула в воздухе кистью, давая дыхание. Петя поставил первый аккорд. Сопрано послушали и вдохнули, широко и светло запели:

Эх, уж как пал туман на поле чистое-э...

Она потянула звук, выкинув вперед руку, будто держа что-то тяжелое в развернутой ладони. Потом обернулась к альтам.

...Да позакрывл туман дороги дальние... —

влились альты. Они влились точно и роскошно, именно так они должны были вступить. Наташа каждой клеточкой чувствовала многоголосие. Ничего не надо было поправлять.

Она опустила руки, не вмешиваясь, не управляя, давая возможность послушать самих себя. Все пели и смотрели на Наташу. Лицо ее было приподнято и прекрасно, и это выражение ложилось на лица всех, кто пел.

*...Эх, я куда-куда-а пойду,
Где дорожку я широкую-у найду-у, где...*

В следующую фразу должны вступить басы и вступить на «фа». Это «фа» было в другой тональности и шло неподготовленным. Если басы не попадут – песня поломается.

Наташа оглядывается на Петю, на мгновение видит и как-то очень остро запоминает его резкое, стремительное выражение лица и сильные глаза.

Петя чуть громче, чем надо, дает октаву в басах, чтобы басы послушали «фа» и почувствовали его в себе.

Наташа сбросила звук. Хор замер и перестал дышать. Она делала все, что хотела, и хор выполнял все, что она приказывала: могли бы задохнуться и умереть. Она держала сорок разных людей на кончиках вздрагивающих пальцев, и в этот момент становилась понятна ее власть над людьми.

В последнюю четверть секунды качнула локтями, давая дыхание, и все вздохнули полной грудью. Басы точно встали на «фа», отдали его в общий аккорд – самый низкий, самый неслышный, но самый определяющий тон.

...Где доро-ожку най-ду-у...

В конце все собираются в унисон, подтягивают, выравнивают последний звук до тех пор, пока не создается впечатление, будто он рожден одним только человеком. Наташа подняла два пальца, как для благословения, и слушает, и впечатление, будто забыла – зачем стоит. Потом медленным жестом подвигает палец к губам. Звук тает, тает... сейчас совсем рассеется, осядет на потолок и на подоконник. Но Наташины пальцы ждут, и губы ждут, и глаза – попробуй послушаться. И все подаются вперед и держат, держат звук до тех пор, пока это не становится невозможным. Тогда Наташа едва заметным движением зачеркивает что-то в воздухе и опускает руку.

Песня кончилась. Проходит некоторое время, прежде чем всем становится это ясно.

Урок окончился, и все разошлись. Петя засовывал в портфель ноты. Ноты не умещались.

Наташа подошла к окну и распахнула его настежь. На улице снег поблескивал, как нафталин. Он лежал на крышах совсем белый и был по тону светлее, чем небо.

Хорошо было стоять и немножко мерзнуть и возвращаться откуда-то издалека. Смотреть на снег, черные на белом фигурки людей, ощущать бесконечность.

Далеко-далеко висит звезда, а под ней висит Земля, а на Земле бывший особняк обедневшего дворянина. А на втором этаже, в трех метрах над людьми, стоит Наташа.

Песня получилась, значит, полгода прошли даром и сегодняшний день не пропал. А впереди следующая песня, которая будет лучше этой, а за ней другая. И это – ее! Здесь она ни от кого не зависит. Никто не может ни вмешаться, ни помешать.

«Проживу! – подумала Наташа. – Ничего, проживу!»

По улице быстро прошли два подростка. Они шли, одинаково сунув руки в карманы.

А Петя за спиной все никак не мог уложить ноты, наступал на портфель коленкой.

Наташа подошла, отобрала портфель и разложила: партитуры вдоль, а сборники – поперек. Потом легко закрыла портфель и протянула Пете. Петя озадаченно посмотрел на портфель, потом на Наташу. Он смотрел долго и вдруг удивился:

– Слушай, а у тебя потрясающие волосы. Ты это знаешь?

– Конечно, – сказала Наташа. – Ко мне просто надо привыкнуть...

Зануда

Нудным человеком называется тот, который на вопрос: «Как твои дела?» – начинает рассказывать, как его дела...

Женька был нудным. Он все понимал буквально. Если он чихал и ему говорили: «Будь здоров», отвечал: «Ладно». Если его приглашали: «Заходи», он заходил. А когда спрашивали: «Как дела?», начинал подробно рассказывать, как его дела.

Люся и Юра не считались нудными, понимали все так, как и следует понимать: если их приглашали – «заходите», они обещали и не заходили. На пожелание «будьте здоровы» отвечали «спасибо». А на вопрос «как дела?» искренне делились: «Потихоньку».

Юра закончил один институт, а Люся два – очный и заочный. У нее было наиболее высокое образование по сравнению с окружающими. Образование, как известно, порождает знание. Знание – потребность. Потребность – неудовлетворенность. А неудовлетворенный человек, по словам Алексея Максимовича Горького, полезен социально и симпатичен лично.

Люся была полезна и симпатична, чем выгодно отличалась от нудного Женьки. Они жили на одном этаже, но никогда не общались, и линии жизни на их ладонях шли в противоположных направлениях. Поэтому появление Женьки на пороге Люсиного дома было неоправданным, тем не менее это случилось в одно прекрасное утро.

– Здравствуйте, – сказала Люся, так как Женька молчал и смотрел глазами – большими и рыжими.

– Ладно, – ответил Женька. Слово «здравствуйте» он понимал как обращение и понимал буквально: будьте здоровы.

Люся удивилась, но ничего не сказала. Она была хорошо воспитана и умела скрывать свои истинные чувства.

– У меня сломалась бритва, – сказал Женька. Голос у него был красивый. – Я бы побрился бритвой вашего мужа. Но это зависит не только от меня.

– Пожалуйста. – Люся не умела отказывать, если ее о чем-нибудь просили.

Она привела Женьку на кухню, положила перед ним бритву и зеркало, а сама ушла в комнату, чтобы не мешать Женьке и чтобы написать корреспонденцию о молодежном театре. Написать было не главное, а главное – придумать первую фразу, точную и единственно возможную. Заведующий отделом информации обязательно требовал первую фразу. Если ее не было, он дальше не читал.

Люся попробовала сосредоточиться, но за дверью жужжала бритва, и в голову лезли посторонние мысли. Например: хорошо бы в этом году ей исполнилось не 27, как должно, а 26, а на следующий год 25, потом 24 и так до двадцати. Тогда через семь лет ей было бы не 34, а 20.

Мысли эти не имели ничего общего с молодежным театром и не годились для первой фразы. Люся вылезла из-за стола и пошла на кухню, чтобы узнать, как продвигаются Женькины дела.

Дела продвигались медленно, возможно, потому, что смотрел Женька не в зеркало, а мимо – на стол, где стояла банка сгущенного молока, творог и «Отдельная» колбаса.

Люся поняла, что Женька хочет есть.

– Налить вам чаю? – спросила она.

– Как хотите. Это зависит не от меня.

Люся удивилась, но ничего не сказала. Она не хотела разговаривать, чтобы не рассредоточиться и сохранить себя для первой фразы.

Она налила ему чай в высокую керамическую кружку, подвинула ближе все, что стояло на столе.

Женька молча начал есть. Ел он быстро – признак хорошего работника, и через пять минут съел все, включая хлеб в хлебнице и сахар в сахарнице. Потом он взял с подоконника «Неделю» и стал читать. Что-то показалось ему забавным, и он засмеялся.

– Вы поели? – спросила Люся.

Она ожидала, что Женька ответит: «Да. Большое спасибо. Я, наверное, вас задерживаю, я пойду». Но Женька сказал только первую часть фразы:

– Да. – «Спасибо» он не сказал. – Я вам мешаю? – заподозрил он, так как Люся продолжала стоять.

– Нет, ну что вы... – сконфуженно проговорила она и ушла в другую комнату.

Она слышала, как Женька переворачивает страницы. Потом что-то грохнуло и покати-лось – видимо, со стола упала тарелка или керамическая чашка.

Люсе не жалко было ни тарелки, ни чашки, а жалко утреннего времени, которое она так ценила и которое уходило зря. Люся почти материально ощущала в себе талант и отдавала его людям. Обычно она делала это по утрам, но сегодня ей помешал Женька, и Люся чувствовала свою вину перед человечеством.

И Женька тоже чувствовал себя виноватым.

– Я уронил... – сказал он, появившись в дверях.

– Ничего, – равнодушно ответила Люся, – не обращайтесь внимания.

– Хорошо, – согласился Женька, кивнул и прошел к письменному столу.

Женька побрился и поел, выкурил хорошую сигарету, прочитал «Неделю» от корки до корки, до того места, где сообщался адрес редакции. А теперь ему хотелось поговорить. Ему хотелось, чтобы его послушали.

– А меня с работы выгнали, – доверчиво поделился Женька.

– Где вы работали? – поинтересовалась Люся.

– В клубе ЖЭКа. Хором руководил.

– Интересно... – удивилась Люся.

– Очень! – согласился Женька. – Когда дети поют, они счастливы. Хор – это много счастливых людей.

– Почему же вас выгнали?

– Я набрал половину гудков.

– Каких гудков?

– Ну... это дети, которые неправильно интонируют. Без слуха...

– Зачем же вы набрали без слуха?

– Но ведь им тоже хочется петь.

– Понятно, – задумчиво сказала Люся.

– Конечно, – вдохновился Женька. – А начальница не понимает. Говорит: «Хор должен участвовать в смотре». Я говорю: «Вырастут – пусть участвуют, а дети должны петь».

– Не согласилась? – спросила Люся.

– Она сказала, что я странный и что ей некогда под меня подстраиваться. У нее много других дел.

Женька затаился, и полоска огонька на его сигарете подвинулась ближе к губам, а столбик из пепла стал длиннее. Он стал таким длинным, что обломился и мягко упал на Женькин башмак, а с башмака скатился на ковер.

– Уронил... – удивился Женька, внимательно глядя на ковер. – Я могу поднять...

– Не надо, – сказала Люся. Она испытывала раздражение, но не хотела это обнаружить.

Женька посмотрел на нее, и Люсе почему-то стало неловко.

– Не надо, – повторила она. – Это мелочь...

– Ну конечно, – согласился Женька. Для него это было очевидно, и он не понимал, зачем об этом говорить так много.

Женьке было тепло и нравилось смотреть на Люсю, и он рассказал ей, как правильно приготовить водку; для этого нужно в бутылку «Столичной», которая покупается в магазине за три рубля семь копеек, бросить несколько кристалликов марганцовки, которая продается в аптеке и стоит гораздо дешевле. Через два дня эту водку следует процедить сквозь вату, на вате останется осадок – черный как деготь, а водка идет голубая и легкая, как дыхание.

Женька ходил по комнате, сунув руки в карманы, обтянув тощий зад, и рассказывал – уже не о водке, а о женщинах.

Женька знал двух женщин. С одной ему было хорошо и без нее тоже хорошо. Без другой ему было плохо, но с ней тоже плохо. Женька мечтал о третьем возможном варианте, когда с ней ему будет хорошо, а без нее плохо.

Поговорив немного о любви, Женька перешел к дружбе. Он рассказал Люсе о своем приятеле, который на спор выучил язык народности таты. Этот язык знают только сами таты и Женькин приятель, и больше никто.

От друзей Женька перешел к хорошим знакомым, а от них – к родственникам.

В пять часов с работы вернулся Юра. Увидев его, Женька остановился и замолчал.

– Добрый день, – поздоровался Юра.

– Да, – согласился Женька, потому что считал сегодняшний день для себя добрым.

Юра удивился этой форме приветствия и тому, что в гостях Женька, что накурено и пепел по всему дому, что Люся сидит в углу, сжавшись, без признаков жизни.

Все это выглядело странным, но Юра был человеком воспитанным и сделал вид, что всё правильно, – именно так все и должно выглядеть.

– Как дела? – спросил Юра у Женьки.

– На работу устраиваюсь, – с готовностью откликнулся Женька. – Странная, в общем, работа, но дело не в этом. Когда человек работает, он не свободен, потому что по большей части делает не то, что ему хочется. Но, с другой стороны, человек не всегда знает, что ему хочется. – Женька вдохновился и похорошел. Он любил, когда интересовались его делами и когда при этом внимательно слушали. – Видите ли...

Женька запнулся, ему показалось, Юра что-то сказал.

– Что? – переспросил он.

– Ничего, – сказал Юра и повесил плащ в стенной шкаф.

Он вешал плащ, и лицо у него было рассеянное, и Женька понял, что слушал он невнимательно, и ему самому стало неинтересно.

– Я пойду... – неуверенно проговорил Женька.

– Заходите, – пригласил Юра.

– Ладно, – пообещал Женька и остался стоять. Ему не хотелось уходить, а хотелось рассказать все сначала, чтобы Юра тоже послушал. Но Юра молчал, и Женька сказал:

– До свидания.

«До свидания» он понимал буквально: то есть до следующей встречи. Женька ушел, а Люся легла на диван и заплакала.

Женька ушел в пять, а в восемь пришли гости.

Люся обычно надевала короткое платье без рукавов – у нее были красивые руки и ноги, – в меру короткое и в меру без рукавов. Когда мужчины видели столько красоты и меры – признак искусства, они громко восхищались Люсей и говорили, что она красивая и талантливая. Люся верила и делала вид, что не верит.

Гости вытирали у порога ноги, не кидали со стола чашек и не рассказывали про родственников. Помимо того, что гости были хорошо воспитаны, они были талантливы. Каждый умел делать что-нибудь такое, чего не умел никто другой.

Костя, например, обладал талантом трагедийного актера; когда он начинал жаловаться на свою жизнь, всем хотелось поставить локти на стол, опустить голову на ладони и горько просветленно зарыдать.

У Кости был сын, творческая работа и кооперативная квартира. В жизни ничего не дается даром, за все приходится платить либо деньгами, либо здоровьем. Костя платил деньгами. За квартиру – в рассрочку, за сына – двадцать пять процентов из месячной зарплаты, за творчество – отсутствием пенсии в старости. Расплачиваясь за все, Костя ничего не получал взамен. Квартира оказалась неудобной (за стеной жил скрипач), сын рос в другой семье, а творческая работа не обеспечивала постоянного заработка.

Эльга не имела никаких талантов. Это была Люсина подруга детства, а друзья детства не выбираются. Они как родственники – какие есть, такие есть. Эльга ни одного дня не могла прожить без любви. Если в ее жизни случался такой день, она просто ничего не соображала. Она не умела даже соображать без любви.

Третьего гостя звали Джинджи. Его фамилия была Джинджихашвили, но друзья постановили, что это не фамилия, а песня с припевом, и постановили ее урезать.

Джинджи обладал способностью громко хохотать без причины. Вернее, причин у него было достаточно: Джинджи был здоровый и сильный, умел хотеть и точно знал, чего хочет. У него была развита инерция равномерного прямолинейного движения.

У Юры, хозяина дома, такая инерция отсутствовала совершенно. Зато была развита инерция покоя. Шаман из вымирающего племени удэгейцев, дожив до 132 лет, сказал: «Счастье – это сама жизнь, и не надо искать иного». Ознакомившись с этой точкой зрения, Юра не стал искать иного счастья, кроме того, которое у него было.

Он сосредоточенно выпил рюмку и прислушался к себе. Прислушавшись, встал и направился к пианино. Юра умел исполнять «Весну» Грига и романс «Я встретил вас». «Весну» он выучил в детстве по нотам, а романс подобрал по слуху. И сейчас он играл и пел в точности, как Козловский, даже лучше. А все слушали, и всем хотелось счастья. И если счастье было, они не знали об этом, потому что никто не знает, как выглядит счастье, и хотели еще чего-то. Одним не хватало денег, другим здоровья, третьим власти над людьми, четвертым детей. Косте не хватало сразу первого, второго и третьего. Дети у него были.

– «Я встре-тил вас... – начал Юра. – И все... было-е... В ожи-и-вше-м се... рдце а-а-а-жило...»

«Жило» Юра выговорил таинственно и почему-то шепотом, и было что-то такое в этом романсе – в словах и в музыке, – что все вдохнули полные легкие воздуха и закричали в сладкой тоске:

– «Я вспо-о-мнил вре-мя за-а-а-ла-то-е...»

– Да тише вы, – Юра перестал играть и повернул к обществу обиженное лицо. – Ревут, как носороги.

Все сконфуженно замолчали, а Юра воспользовался паузой и допел один, как Козловский. И ему не мешали.

Джинджи взял свой стул и сел рядом с Эльгой.

– Эльга, – сказал Джинджи, – ты замечательный человек. Это правда.

У Эльги только что окончилась одна любовь, а другая еще не начиналась. Требовалось время, чтобы после первой все улеглось.

– Не врывайся в мою паузу, – сказала Эльга.

Джинджи взял свой стул и поставил его возле Люси.

– Люся, – сказал Джинджи, – ты замечательный человек, правда. Я и раньше это предполагал, но теперь понял наверняка.

– А как ты это понял? – удивилась Люся.

– По некоторым приметам.

Люсе было интересно послушать поподробнее, но в это время в прихожей зазвонил телефон.

– Сними трубку, – попросила она Костю, который сидел возле двери с лицом талантливого трагика.

Костя думал в этот момент о том, что сегодняшний вечер – миг, и даже сто лет – миг в сравнении с вечностью. А через сто лет Кости уже не будет, и темно-серые штаны в рубчик, которые на нем надеты, переживут его имя.

Костя тихо вышел в прихожую, потом так же тихо вернулся и сел на свое место.

– Кто это звонил? – спросила Люся.

– Женя, – ответил Костя, и ни один мускул на его лице не дрогнул.

– Женька?!

– Может быть, Женька, но он сказал Женя.

Юра перестал играть, и в комнате стало тихо.

– Зачем он звонил? – спросил Юра.

– Он просил передать, что придет к вам ночевать.

– А ты что сказал?

– Я сказал: у вас гости.

– А он?

– А он сказал: ничего, пожалуйста.

Гости были не только воспитанные и талантливые. Гости были чуткие. Они не могли развлекаться, если ближнему грозила опасность.

Все сели вокруг стола и сосредоточились.

– Скажите, к вам родственники приехали, – предложил Джинджи и подвинул свой локоть поближе к Люсиному.

– Я говорить не буду, – отказался Юра и посмотрел на локоть Джинджи. – Я не умею врать.

– А я, значит, умею, – обиделась Люся. – Когда надо врать или одалживать деньги, когда надо унижаться, ты посылаешь меня.

– Пусть переночует, – выручил Костя, – не надо будет врать. И что такое одна ночь в сравнении с вечностью?

– Если он переночует одну ночь, – объяснил Юра, – он поселится здесь навсегда и завтра приведет своего приятеля.

Услышав, что ее ждет, Люся часто задышала, и брови у нее стали красные.

– А вы скажите, знакомые из Ленинграда приехали, – посоветовала Эльга.

– Я уже предлагал, не подходит, – напомнил Джинджи. – Его нельзя пускать.

– Не пускайте. – У Эльги было развито логическое мышление. – Заприте дверь, будто вас нет дома. Он позвонит-позвонит и уйдет.

В дверь позвонили. Все переглянулись. Юра быстро выключил свет.

– А почему он пришел к вам ночевать? – шепотом удивился Костя. – Это кто, родственник ваш?

– Ее друг. – Юра кивнул на жену. – Большой приятель.

– К нашему берегу вечно приплывет не дерьмо, так палка, – подытожила Эльга, имея в виду не столько Люсю, сколько себя.

Женька тем временем положил палец на кнопку, полагая, что хозяева не слышат.

Все имеет свой конец, даже жизнь. Женька тоже в конце концов снял палец с кнопки, и тогда стало тихо.

– Ушел... – тихо предположил Юра, подошел на цыпочках к двери и заглянул в замочную скважину.

Женька сидел на ступеньках возле лифта и ждал. Он все понимал буквально: раз хозяева не отпирают, значит, их нет дома. А раз их нет – они вернутся. Женька ждал, подперев лицо руками, и выражение у него было изумленно-печальное и какое-то отрешенное. А рядом на ступеньках стояла коробка с тортом, перевязанная бумажной веревочкой.

Юра вернулся в комнату.

– Сидит, – сообщил он.

– Вот это дает! – восхищенно сказал Джинджи.

– А долго он будет сидеть? – забеспокоилась Эльга.

– Всю жизнь, – убежденно сказала Люся.

– А как же нам теперь выйти? – удивился Костя.

– Никак, – сказала Люся. – Попались!

Прошло четыре часа.

В комнате было темно и тихо, слышно было, как урчал на кухне холодильник, тикали снятые с руки часы.

Юра спал на тахте. Он умел засыпать в любой обстановке и спал обычно крепко, без снов.

Возле него валетом лежал Костя, осмысливал жизнь, при этом старался отодвинуть Юрины ноги подальше от лица.

Эльга сидела в кресле и думала о том, что прошлая любовь кончилась не по ее инициативе, а новая еще не началась, и неизвестно, что приплывет к ее берегу в очередной раз.

Люся смотрела в окно, понимала, что не выспится и завтра снова не сможет работать, не сумеет сохранить себя для первой фразы.

– Джинджи, – с надеждой попросила она, – давай я скажу тебе первую фразу...

Джинджи ходил из угла в угол: страстно хотел домой. Он забыл о том, что Эльга хороший человек и Люся, по некоторым приметам, тоже хороший человек. Сейчас, когда нельзя было выйти, он больше всего на свете хотел в свои собственные стены к своей собственной жене.

– Какую первую фразу? – не понял он. – К чему?

– Ни к чему, просто первую фразу – и все.

Джинджи остановился.

– Зажмурьтесь, и закройте глаза, и представьте себе... – начала Люся.

– Зажмурьтесь и закройте глаза – одно и то же. Надо что-нибудь одно.

– А что лучше?

– Не знаю, – мрачно сказал Джинджи.

– Брось, – лениво предложила Эльга. – Кому все это надо?

– Если так рассуждать – ничего никому не надо. И никто никому. Кому ты нужна?

– И я никому не нужна, – спокойно сказала Эльга.

Люся отвернулась, стала глядеть на редкие огни в домах. Ей вдруг больше всего на свете захотелось, чтобы кто-нибудь спросил у нее: как дела? А она бы долго и подробно стала рассказывать про свои дела: про то, что гости ходят не к ним, а в их дом, потому что по вечерам им некуда деться. Про то, что начальник теряет ее работы, засовывает куда-то в бумаги, а потом не может найти. Про свою любовь, которая кончилась, и теперь, когда она кончилась, кажется, что ее не было никогда.

Но гости были людьми воспитанными. Никто ни о чем не спрашивал. Все сидели вместе и врозь. Впереди была долгая ночь и нескорое утро.

А Женька тем временем спокойно спал, уложив щеку на ладонь, и с интересом смотрел свои сны... Может быть, ему снились поющие дети.

Закон сохранения

Первый раз Семечкин появился год назад в отделе кадров.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался он. – Моя фамилия Семечкин, зовут Георгий Николаевич. Вообще я русский, но долгое время жил в Грузии, как Маяковский. Вот тут все написано.

Он протянул свою автобиографию, сел на стул и приготовился ждать.

Заведующая отделом кадров Елена Ивановна взяла автобиографию и начала читать.

– При чем здесь собака? – удивилась Елена Ивановна. – Это автобиография, документ, а не художественное произведение.

– Вы помните, как Маркс начал «Манифест»? «Призрак бродит по Европе...» А ведь «Манифест» – это тоже документ. – Семечкин поднял палец.

Елена Ивановна внимательно посмотрела на палец и сказала:

– Заполните анкету.

– Не надо, я сам составил.

Семечкин вытащил из кармана листок. Листок был вырван из школьной тетради в косую линейку и заполнен с одной только стороны.

– И все? – удивилась Елена Ивановна.

– Конечно, – удивился Семечкин, – здесь все написано.

– Надо указать, имеете ли вы правительственные награды, есть ли у вас родственники за границей.

– А какое это имеет значение для той работы, которую я буду выполнять? Я написал только то, что важно: сколько мне лет – возраст определяет; какое у меня образование – это тоже иногда имеет значение...

– Знаете что, не заводите своих порядков. Заполните анкету и напишите заявление.

– А о чем заявление?

– О том, что просите принять вас на работу.

– Странно, зачем столько бумаг? Раз я поступаю на работу, то, естественно, меня не приволокли – я сам пришел.

– Вот вам бумага, сядьте и напишите. Без заявления нельзя.

Семечкин вздохнул и нарисовал на листке стол, а за столом круглоголового человечка. Вокруг головы человечка он начертил нимб, а вокруг нимба – сияние.

– А как писать?

– На имя Вахлакова.

«На имя Вахлакова», – написал Семечкин.

– Адрес укажите.

– Чей?

– Ваш.

– Зачем? Разве мне Вахлаков напишет письмо?

«Идиот», – подумала Елена Ивановна, а вслух спросила:

– Вы где раньше работали?

– В Госконцерте.

– А что вы там делали?

– Фокусы показывал. Эго такая скука, я даже начал пить.

– Пишите заявление.

– Ага... – Семечкин погрыз ручку с другого конца и стал писать.

Он написал очень быстро, потом прочитал написанное и отдал Елене Ивановне.

– По-моему, хорошо, – с удовлетворением сказал он.

Елена Ивановна прочитала заявление сначала один раз, потом другой.

– Слушайте, – сказала она, – Семечкин!

– Можете звать меня по имени, мне это приятнее...

– Слушайте, Георгий Николаевич!

– Гия.

– ...Ваша работа называется редактор-организатор, а не «золотая рыбка». Какая еще рыбка?

– Вахлаков пообещал мне свободную инициативу, – гордо сказал Гия. – Хотите новое корыто, хотите новую избу, а хотите быть вольною царицей?

– Хочу мешок луковой шелухи, – сказала Елена Ивановна, подумав.

– Зачем?

– Яблони на даче опрыскивать.

– Зайдите ко мне через неделю во вторник. Пятый этаж, комната восемьдесят восьмая, будет вам мешок луковой шелухи.

Журнал «Лампа» был сатирическим журналом, вскрывал недостатки – крупные и мелкие, общественные и индивидуальные.

Когда читатель брал в руки журнал и читал, например, как несправедливо мучают живую рыбу, обязательно возмущался вслух: «Какое безобразие! Это ж надо же, а?» Далее читатель клал журнал на колени, задумывался над своей судьбой и находил в ней много общего с судьбой живой рыбы. Он снимал с гвоздя венгерский плащ на подстежке и бежал в журнал, а если это было в другом городе, то писал в редакцию письмо.

Людей и писем скопилось много. За каждым стояла целая человеческая жизнь, в которой надо было разобраться.

Разбираться в чужих жизнях Вахлакову было некогда, поэтому специально для этой цели пригласили Семечкина. Семечкин должен был всех выслушивать и входить в положение.

Ему отвели отдельный кабинет, поставили два телефона: черный и белый, внутренний и городской. В кабинет поставили диванчик, два кресла и повесили занавеску. Занавеска Семечкину не понравилась, он принес свою.

Когда Семечкин первый раз явился на работу, все очень удивились. На нем была малиновая бархатная блуза с золотыми пуговицами, белоснежная крахмальная рубашка апаш. На голове чуть набекрень сидел маленький беретик, а на ботинках большие пряжки.

Если бы штаны были поуже, как рейтузы, а на беретике лежали страусовые перья, то Гия Семечкин как две капли воды походил бы на принца.

– Что у вас за вид? – удивился Вахлаков.

– А у вас? – удивился Гия.

Вахлаков был одет в пиджак от нормального костюма и в брюки от другого нормального костюма.

– А что у меня? – не понял Вахлаков.

– У вас, вернее на вас, коричневые штаны и синий пиджак. Это некрасиво. К коричневому пошла бы замша горохового цвета.

– Какая гороховая замша? – смутился Вахлаков. – Я старик.

– Это не может служить оправданием, – заметил Семечкин. – Старики тоже бывают красивыми. Например, Хемингуэй был очень красивый старик.

– Но я вовсе не старик, – обиделся Вахлаков. – Мне пятьдесят восемь лет.

– Тем более, – отметил Семечкин и направился в свой кабинет.

В дверях он остановился и попросил:

– Если меня будут спрашивать, отсылайте в восемьдесят восьмой кабинет.

– А где такой? – спросил Вахлаков.

– Рядом с вашим.

– Но почему мой третий, а ваш восемьдесят восьмой? Ваш, по самым грубым подсчетам, должен быть четвертый.

– «Четыре» – скучная цифра, она похожа на стул. А цифра «восемь» – изящная. Пусть на двери моего кабинета будут две цифры «восемь».

Существенным неудобством в работе Гии Семечкина было то, что посетитель не умел и не хотел быть кратким. Человеку нравится, когда его слушают, и еще больше нравится, когда слушают и сочувствуют. Вместо того чтобы по пунктам изложить суть дела, посетитель начал разворачивать подробный конспект: все с самого начала до самого конца со всеми мельчайшими подробностями.

Искусством устного рассказа обладает, например, Ираклий Андроников, но Ираклий Андроников к Гие не заходил, приходилось выслушивать другие устные рассказы – много худшие по теме и по деталям.

Однажды в конце рабочего дня в кабинет № 88 вошел красавец. Он был молод – лет восемнадцати, не больше, и высок – метр девяносто, не ниже. И каждый миллиметр был в нем строго продуман природой. Видимо, природа не одну сотню лет вела строгий естественный отбор, прежде чем создать такой индивид.

– Здравствуйте, – поздоровался красавец. – А я вас ищу-ищу. Сначала третий кабинет, потом сразу восемьдесят восьмой. Какой-то идиот нумеровал.

Гия промолчал.

– Я слышал, вы исполняете все желания, – сказал красавец.

– Все разумные желания, – уточнил Гия.

– У меня есть разумное желание: я хочу славы и чужих городов.

– Заграничную командировку?

– За границу, – поправил парень. Ему не нравилось слово «командировка».

– А что вы умеете делать?

– Я красивый.

– И все?

– А вам мало?

– Мне вполне достаточно, – сознался Гия.

– И другим достаточно. Красота встречается так же редко, как гениальность. Я в своем роде тоже гений.

– Вам нужно найти какое-то применение своей гениальности.

– Какое бывает применение мужской красоте? Я ведь не женщина...

– Может быть, в манекенщицы, то есть в манекенщики... В Дом моделей. Они ездят за границу.

Красавец задумался, постукивая пальцами по колену. Руки у него были смуглые, совершенные, и ногти на пальцах тоже совершенные.

– Напишите, пожалуйста, бумагу, – попросил он.

– Какую бумагу?

– На имя директора Дома моделей.

Гия терпеть не мог бумаг, но ему не хотелось отказывать. Он взял журнальный бланк и нарисовал на нем человечка за столом в круглом беретике. Вокруг беретика, похожего на нимб, нарисовал сияние. Потом, подумав, достал из стола бенгальскую свечку, поставил в керамическую вазочку, как цветок. Чиркнул спичкой, поднес ее к свече. Свеча начала тлеть, кончик стал красным, потом вдруг во все стороны бесшумно брызнули огоньки. Они были холодные и голубоватые, как звезды, и летели далеко, как на ниточках, по разным траекториям.

На другой день в кабинете главного редактора состоялась летучка.

Вахлаков стоял в замшевом пиджаке, пытался засунуть два пальца за борт, но пальцы не держались, потому что была оторвана пуговица. На том месте, где она была или должна была быть, торчали нитки.

Вахлаков запустил руки в карманы. Он стоял как капитан корабля перед своей немногочисленной командой. В команде все были очень милые люди, но им надоедало быть милыми, и они ссорились. Потом надоедало ссориться, и все снова становились милыми.

Вахлаков никогда и ни с кем не ссорился. Острым углам он предпочитал овал. В его характере по законам диалектики совмещались противоположности: любил свою жену и других красивых женщин, был талантлив в общении с людьми и бездарен наедине с собой, то есть в своем творчестве. Поддерживал начинающие таланты, а это значило, что был лишен зависти и верил в будущее. Люди не завидуют в том случае, когда знают, что сами что-то могут. Вахлаков не завидовал, но и сам ничего не мог.

Вахлаков происходил из царской фамилии: в его родословной значилась любовница Ивана Третьего. Вахлаков скрывал эту подробность, но в его осанке, несмотря на оторванную пуговицу, пробивалось нечто царственное.

– Цыганкова! – царственно приказал он. – Проверьте факты!

Цыганкова открыла свой блокнот и что-то в нем записала. Она всегда добросовестно записывала все свои обязанности, но никогда их не выполняла. У нее постоянно было плохое настроение.

Счастливых людей Гия не любил. Ему нравились те люди, которым нужно было помочь, сделать для них доброе дело и, таким образом, оставить в них себя. Но еще больше ему нравились люди, которым надо было помочь, но они отказывались от помощи. Они ни у кого ничего не просили, потому что желали остаться независимыми.

– Семечкин! – окликнул Вахлаков. – Что там у вас происходит?

– Где? – испугался Гия.

– Свечки бенгальские зажигаете, человечков рисуете...

Гия промолчал.

– Почему вы молчите?

– Я не понимаю – нравится вам это или нет?

Вахлаков свел брови, он сам не знал – нравится ему это или не нравится.

– Странно как-то, – нерешительно сказал он. – А зачем вы зажигаете свечки?

– Они красиво горят.

– А человечков зачем?

– Это как печать. Ведь ставят люди печати.

Вахлаков поскреб ногтем щеку.

– Распускают слух, будто вы все можете. Мне это не нравится. – Здесь Вахлаков определенно знал свое отношение.

– Я тут ни при чем, – объяснил Гия. – Слухи живут отдельно от людей и не имеют к ним никакого отношения. Слухи сами по себе, а люди – сами по себе.

Когда летучка окончилась, Вахлаков подошел к Семечкину и тронул его за локоть.

– Гия, – Вахлаков оглянулся на дверь, – у меня к вам просьба.

– Кабинет восемьдесят восемь, – вежливо сказал Гия. – В порядке общей очереди.

– Мое дело особенное, – пообещал Вахлаков. – Для вас как для специалиста оно будет особенно интересным.

– А какая просьба? – спросил заинтригованный Семечкин.

– Сделайте так, чтобы я был молодой.

– Как молодой?

– Ну... мне сейчас пятьдесят восемь, а чтобы было тридцать.

– Это невозможно.

– Почему?

– Потому что это противоречит закону философии.

– Какому закону?

– «Отрицание отрицания». Я не могу менять диалектику, ее Гегель придумал.

– У меня позвоночник болит, – пожаловался Вахлаков. Ему казалось, что можно уговорить Гию, если попросить хорошенько. – Во время войны меня потрянуло. Я упал, позвонок сместился и теперь давит на нерв. Вот я с вами разговариваю, а в пояснице как зубная боль и в ногу отдает. Скажите, интересно так жить?

Гия ничего не ответил. Было ясно, что жить с зубной болью в пояснице неинтересно.

– А пусть вам сдвинут позвонок на место, – сказал Гия. – Такую операцию делают. Я знаю.

– Я тоже знаю, – сказал Вахлаков. – Но дело не только в этом.

– А в чем еще?

– Вот раньше мне казалось, что нет такого свидания, из-за которого бы можно было пропустить совещание. А теперь мне кажется наоборот: нет такого совещания, из-за которого можно было бы пропустить свидание...

– Вы влюблены? – догадался Гия.

– Вам, наверное, это странно?

– А сколько ей лет?

– Она моложе моего сына, – уклончиво сказал Вахлаков. – В детском саду работает воспитательницей. Из всего Чехова только «Каштанку» читала. Это такое счастье... Мне так надо-ели умные разговоры!

Гия не понимал, что от него требуется.

– Я боюсь попасть в смешное положение, – сознался Вахлаков.

– А... – Гия понял. – Ешьте грецкие орехи. Это помогает.

– Мне надо не грецкие орехи, а тридцать лет!

– А где я вам их возьму? Впрочем...

– Ну? – Вахлаков подался вперед.

– Есть такое лекарство. – Гия отодвинулся, он не любил, когда к нему стояли близко. – ЭМРО. Эликсир мгновенной регенерации организма. О нем писали в прессе. Вам нужно выпить таблетку и выпрыгнуть с седьмого этажа. Вы разобьетесь вдребезги, но эликсир сработает, и вы мгновенно восстановитесь помолодевшим на десять лет. Если хотите помолодеть на тридцать лет, придется прыгнуть три раза.

– А можно прыгнуть с первого этажа?

– С первого нельзя, потому что вы не разобьетесь. С восьмого тоже нельзя, потому что можете не восстановиться. Надо с седьмого.

– А другого способа нет?

– Может быть, и есть, но я его не знаю.

Вахлаков посмотрел в окно. За окном что-то строили, и там медленно, как в забытьи, двигалась стрела подъемного крана.

– Бумага нужна? – спросил Вахлаков. – С человечком?

– Не обязательно, – сказал Гия.

– А свечки тоже не будет?

– Как хотите.

Когда Гия вернулся к себе в кабинет, там сидела Светлана. Занавеска была задернута, и комната, как фужер с шампанским, была наполнена ровным желтоватым светом.

– Можно я буду звать тебя Жора? – спросила она. – А то имя «Гия» какое-то собачье.

Гия достал свечку, поставил ее в вазочку, как цветок, и поднес спичку. От свечи во все стороны брызнули маленькие звезды и полетели по разным траекториям.

Светлана смотрела на них молча и вдруг заплакала. Она плакала с неподвижным лицом, и казалось, будто слезы, медленно идущие по ее щекам, не имеют к ней никакого отношения.

– Я все для тебя сделаю, – поклялся Гия. – Все, что попросишь...

– Сделай так, чтобы он на мне женился...

– Кто?

– Ты не знаешь.

– Он не любит тебя? – удивился Гия. – Вот дурак...

– Не ругай его.

– Прости, пожалуйста.

– Он любит, – объяснила Светлана, – но для мужчины любить и жениться – не одно и то же.

– Давай я женюсь на тебе, – неожиданно предложил Гия.

– Тебе лень, поэтому ты придумываешь что проще.

– А что я могу сделать?

– Поговори с ним. Я скажу, чтобы он к тебе пришел.

– Не знаю я, о чем с ним говорить, – отказался Гия.

– Если он почувствует, что ты хочешь жениться, он тоже захочет. Он очень несамостоятельный и зависит от чужого мнения.

– Зачем тебе такой муж?

Светлана медленно улыбнулась, глядя сквозь Гию.

Первый раз он видел ее в хорошем настроении.

В этот вечер Гия неожиданно для себя напился.

Они выпивали с Пашей – соседом по квартире – и разбирали свои противоречия.

Паша учился в вечерней школе, работал шофером такси, был холост, мечтал жениться на некрасивой женщине с двумя детьми. Ему казалось, что красивая и свободная за него не пойдет, а если и пойдет, то на другой же день пожалеет.

Гия был более самоуверен. Он, как правило, нравился женщинам – правда, не тем, которым хотел.

Они говорили о любви, о счастье – личном и общественном. О своем деле и о специфике каждой специальности. Паше все люди представлялись как пассажиры такси, а Гие – как публика в зрительном зале.

– А почему ты ушел из Госконцерта? – спросил Паша.

– Скучно стало, – объяснил Гия. – Каждый день одно и то же: берешь пустую корзину, достаешь оттуда курицу.

– Живую?

– Конечно.

– А как это у тебя получалось?

– Ловкость рук и никакого мошенства.

Они пили старку и пели послевоенные песни, потому что знали слова. Паша от старки краснел, а Гия, наоборот, бледнел. В детстве он часто болел ангиной, у него было слабое сердце.

– «На рейде большом легла тишина, и город окутал туман», – внимательно, красиво пел Паша.

Гия вдруг первый раз за свои тридцать лет понял смысл слов и представил себе тяжелую, будто пыльную воду, одинокий корабль и город, неясно выступающий из тумана.

«Прощай, любимый город! Уходим завтра в море!»

Гия уложил лицо в ладони, закрыл глаза и, раздерганный хмелем, пел знакомую незнакомую песню. Слушал себя и Пашу и сладко, легко тосковал непонятно о чем. Ему было жаль себя, и любимый город, и блестящие волосы Светланы Цыганковой.

Домой Гия возвращался через окно. Он вышел на Пашин балкон и с его балкона полез на свой. Балконы были смежные, один являлся как бы продолжением другого. Их отделяла кирпичная кладка шириной в полметра, и, чтобы попасть с одного балкона на другой, надо было пройти эти полметра по балконным перильцам. Удобнее было, конечно, ходить в дверь, но после одиннадцати соседи запирали дверь на цепочку и ложились спать. Гие не хотелось будить соседей.

Прошло полгода. Наступила весна.

За это время в редакции произошли перемены: Вахлаков ездил в Ленинград и прыгал там с седьмого этажа. Он вернулся помолодевшим на тридцать лет. Стал красивее, но проще. Стариком ему больше шло.

Заведующая отделом кадров Елена Ивановна ведрами настаивала луковую шелуху. Говорили, что этот настой убивает на яблонях личинки и не портит завязи.

Пальцы и ногти у Елены Ивановны стали темно-оранжевыми.

Светлана Цыганкова вышла замуж, но настроение у нее не улучшилось. Она по-прежнему сидела, опустив ресницы, и что-то помечала в своем блокноте.

Когда звонил телефон, она медленно поднималась и шла к трубке, и по ее походке чувствовалось, что ей невыносимо скучно и невыносимо лень. С Гией она почему-то не здоровалась.

Почти все, кто бывал у Семечкина один раз, приходили во второй. Стояло лето, июнь месяц, когда в кабинет пришел красавец.

На красавце была белая рубашка в мелких дырочках, штаны белые в дырочках и даже туфли были белые и в дырочках.

Красавец положил перед Гией большой рекламный журнал, где был сфотографирован на обложке во весь рост. Он стоял, прислонившись задом к длинной машине, а из машины выглядывали женское лицо и собачья морда.

– Это ваше? – спросил Гия.

– Журнал мой, – сказал красавец, – и собака моя. А машина и женщина чужие.

– Потрясающая собака! – похвалил Гия. – Вы довольны?

– Собакой?

– Успехом.

– А каким успехом?

Разговор не получался.

– Своим, – растолковал Гия.

– Понимаете... – Парень достал из кармана белую зажигалку. – Успех интересен как результат чего-то. А у меня этого «чего-то» нет. Один только результат. Как картофельная ботва без картошки.

Гия чувствовал, что ему следует возразить, но не мог придумать – что именно.

– Я ходил по сцене, потому что я красивый. А на карликов все смотрят потому, что они карлики. Ну и что?

– Но вы посмотрели чужие города! Я, например, всю жизнь мечтал побывать в Японии. Там, говорят, турецкие бани есть.

– Был я в турецких банях. Подумаешь! – Красавец махнул рукой. – Все это интересно посмотреть для того, чтобы потом вернуться и рассказать. Главное в этом вопросе – чтобы было кому рассказать.

Гия догадался, что рассказать некому. Это был несчастливый красавец.

– Хотите мне рассказать?

Может, он пришел именно за этим? Но красавец покачал головой – он пришел не за этим.

– Что мне делать? – спросил он и поднял глаза на Гию. Брови у него были высокие.

- Живите, как все.
- Но я уже не могу, как все...
- Тогда я не знаю...

В конце дня в кабинет № 88 позвонил Вахлаков.

– Приезжай!.. – коротко распорядился Вахлаков. – Ты должен сказать, что я – это я. Меня в ресторан не пускают.

– Мне не хочется ехать, – извинился Гия. – У меня плохое настроение.

– А у меня, думаешь, хорошее? С пяти часов хожу от одной рожи к другой. Никто не верит.

– Вы покажите им удостоверение.

– Так я же на удостоверении старый.

Гия ничего не сказал.

– Ты меня слышишь? – заорал Вахлаков.

– Слышу, – спокойно сказал Гия.

– Возьми паспорт, – продолжал орать Вахлаков. – Сначала объяснишь, что ты – это ты, а потом, что я – это я!

В ресторане было тихо – гораздо тише, чем в других московских ресторанах. Когда кто-нибудь шел по проходу, все оборачивались и смотрели, кто идет. Все знали друг друга.

Если появлялась красивая женщина, все опять оборачивались и смотрели сначала на женщину, а потом на того, с кем она пришла.

Когда вошли Гия и Вахлаков, на них никто не обратил внимания. Вахлакова не узнавали. Он стал худой, пиджак на нем висел, как на вешалке, шея вытянулась, и нос вытянулся. В профиль он походил на оципанного орла.

Гия и Вахлаков сели за столик возле деревянной лестницы. За соседним столиком сидела красивая женщина и слушала своего собеседника, который ругал Вахлакова.

– Банкет, – рассказывал собеседник, – человек на сорок. А в конце ужина он встает и произносит заключительную речь: «У нас в государстве все равны, поэтому платит каждый за себя».

– Неправда, – вмешался Вахлаков. – Совсем другая была речь.

– А вы откуда знаете? – высокомерно спросил собеседник. – Вы что, там были?

Вахлаков промолчал и посмотрел на девушку.

– Странно, – сказала девушка, – за меня он всегда платил.

– Пойдем отсюда, – сказал Вахлаков Семечкину. – Здесь кухней пахнет.

Они встали и перешли в самый дальний угол.

Отворилась дверь, в ресторан вошел высокий парень в длинном двубортном пиджаке, похожем на гимназический сюртук. Он помахал Вахлакову рукой и подошел к столику.

– Папа, – сказал парень, – зачем ты опять надел мою рубашку?

– Тебе что, жалко для отца рубашку?

– Не жалко, а я не люблю, когда мои вещи надевают.

– Как ты разговариваешь со старшими? – обиделся Вахлаков и посмотрел на Гию. Ему было неудобно перед подчиненным.

– Мама попросила передать тебе... – Сын Вахлакова протянул деньги. – Ни в коем случае не пей вина, пей коньяк.

– А почему нельзя вино? – удивился Гия.

– У него от вина аллергия, – объяснил сын Вахлакова. – А от коньяка ничего.

Сын Вахлакова поклонился и ушел за другой столик.

– Стесняется, – сказал Вахлаков. – Стесняется родного отца.

Он шелкнул в воздухе двумя пальцами, подошла официантка.

– Риточка, принесите нам коньяку и все остальное, вы знаете мой вкус.

– Ничего я не знаю, – сухо сказала Риточка.

– Я не буду пить, Павел Петрович, – отказался Гия. – Мне завтра на работу.

– Не называй меня по имени-отчеству.

– Хорошо. Скажите, а страшно было прыгать?

– Первый раз страшно, а второй и третий ничего. Такое впечатление, будто желудок к горлу подходит. Там, где я прыгнул, вмятина в асфальте осталась. О! – Вахлаков вдруг оживился. – Ты только погляди, какая походка! Лучшая походка в Москве. Это манекенщица. Валя! – позвал он.

Валя оглянулась, посмотрела на Вахлакова и пошла дальше. Он выбрался из-за столика и побежал следом, но скоро вернулся.

– Дура, – обиженно сказал Вахлаков и выпил стопку сразу, одним духом. – Послушай, – сказал он, – как ты думаешь, зачем я тебя позвал сюда?

– Чтобы я вас провел, – сказал Гия.

– Ну, это ерунда... – Вахлаков забыл, как он с пяти до одиннадцати ходил от одной рожи к другой. – Это ерунда. У меня к тебе дело.

– Я слушаю, – обреченно сказал Гия и посмотрел на свою наполненную рюмку.

– Знаешь, как мы с женой познакомились? – вдруг спросил Вахлаков.

– Нет.

– Я был начинающий поэт, а она машинистка. Никто меня не печатал, кроме нее. Она печатала и говорила, что я гений.

Гия кивнул. Он осознавал, как это важно, когда в тебя верят.

– Потом я стал печататься, выпускал сборники. У нас были деньги, и жена не работала.

Гия кивнул. Если бы у него были деньги, он тоже перестал бы работать в редакции, а уехал на Северный полюс на метеорологическую станцию. Там мало людей и никому ничего не надо. У всех все есть.

– А теперь у нас нет ни копейки. Жена опять машинистка, а сын меня стесняется.

– Почему? – Гия не ожидал такого оборота.

– Не печатают, – шепотом сказал Вахлаков. – Говорят: «Идите домой и работайте над собой. Может быть, из вас когда-нибудь что-нибудь получится». А я пишу несколько не хуже, чем полгода назад.

– Неприятно, – согласился Гия.

– Это еще не все, – предупредил Вахлаков. – Жена меня от своих знакомых прячет, в ванную запирает. А там сидеть не на чем и душно. Бывает, по три часа на ногах простаиваю.

– А воспитательница? – напомнил Гия.

– Она меня бросила, – сознался Вахлаков. – Зачем я ей без имени, без денег. У меня, говорит, молодых и без тебя пол-Москвы.

– Нахалка... – возмутился Гия.

– А ты знаешь, что такое воспитательница в детском саду? – грустно возразил Вахлаков. – Тридцать шесть пар валенок, тридцать шесть пальто, тридцать шесть шапок – это утро. Потом тридцать шесть тарелок, тридцать шесть ложек, тридцать шесть кружек – это обед. Потом опять тридцать шесть пар валенок, тридцать шесть пальто, тридцать шесть шапок – это прогулка. Она рассчитывала, что я как-то переменю ее жизнь.

– Ее можно понять, – согласился Гия.

– А меня? – с надеждой спросил Вахлаков.

– И вас тоже можно понять.

Гия сидел без беретика, но в бархатной куртке, и рубашка была белоснежной. Он походил на принца в домашней обстановке.

– Сделай так, чтобы я снова стал старый, – тихо попросил Вахлаков.

– А как я это сделаю? – изумился Гия.

– Может быть, еще раз прыгнуть? Черт с ним!

– Если вы прыгнете еще раз, вам будет не тридцать, а двадцать.

– А как же теперь?

– Никак.

Вахлаков долго молчал, в его глазах жила немолодая тоска.

– Друзей у меня нет, – поделился он, – теперешние тридцатилетние мне чужды. Старым друзьям по шестьдесят – им со мной неинтересно. Семья меня стесняется. Она бросила. И дела, считай, тоже нет.

– Это я виноват... – расстроился Гия.

– При чем тут ты? – Вахлаков махнул рукой. – Каждый человек имеет ту жизнь, которую он заслужил. Если бы можно было начать все сначала...

– У вас есть внуки? – неожиданно спросил Гия.

– Есть. Мальчик.

– Сколько ему?

– Один год. А что?

– Прыгните еще три раза, – предложил Гия. – Вам станет двадцать, потом десять, потом год. Будете жить сначала. Растить вместе с вашим внуком.

– А три года исполнится, в детский сад отдадут... – задумчиво сказал Вахлаков.

Вахлаков не мог забыть воспитательницу.

Когда Гия возвращался домой, у него в буквальном смысле слова подкашивались коленки. Иногда он останавливался и, подняв голову, смотрел в небо, чтобы сориентироваться – где верх, а где низ. Он смотрел в небо и думал: что же есть счастье? Любовь? Успех? Молодость? Но любовь проходит, к успеху привыкаешь, а о молодости своей человек не знает. Люди бывают молоды, когда не знают об этом. Значит, в работе Гии нет никакого смысла. Жизнь – это только поиск счастья, а самого счастья нет.

Гие не хотелось идти домой, а больше идти было некуда. Он пошел к Паше.

Паша сидел в трусах и в майке, как футболист, клеил магнитофонную ленту.

– Что ты клеишь? – спросил Гия.

– Чайковского. Хорал.

– А что, – удивился Гия, – разве Чайковский для церкви халтурил?

– Почему халтурил? Писал. Халтурят – это когда не верят в то, что делают.

– Я тоже больше не верю в то, что делаю, – сказал Гия. – Я хотел сделать людей счастливыми, а запутал еще больше. Значит, я халтурщик.

– Ты фокусник, – поправил Паша.

– При чем тут одно к другому?... Какое это имеет отношение?

– Имеет. Ты берешь ненастоящую любовь, ненастоящий успех и ненастоящую молодость, а хочешь получить настоящее счастье. Берешь пустую корзину и хочешь достать живую курицу. Можно показывать фокусы на сцене, а в жизни показывать фокусы нельзя.

– А что надо делать в жизни?

– Жить.

– Все проходит... – Гия махнул рукой. – И настоящая молодость и настоящая любовь.

– Не проходит, а переходит. Из одной формы в другую. Закон сохранения энергии.

– Ты сам его придумал?

– Нет, не сам. Его Ломоносов придумал.

Паша знал это из программы средней школы. Он перемотал ленту и нажал кнопку. Медленно, без сопровождения запел хор.

Гия и Паша слушали хорал Чайковского. Гия сидел, а Паша стоял, застегивая рубашку. Ему надо было ехать в таксомоторный парк.

Гия вышел на балкон, с Пашиного балкона стал перебираться на свой.

Он стоял на железных перильцах, раскинув руки по кирпичной кладке, и походил на распятие. Стоял над городом, над домами, над людьми. Сверху было только небо, а на небе звезды разной величины.

Гия подвинул правую ногу вправо, привычно слушая серединой ступни железную пере-
кладину. Потом подвинул левую ногу вправо, но ничего не услышал.

Нога ступила в пустоту. Он оторвал руку от кирпичной кладки, сильно и резко взмахнул ею в воздухе, пытаясь удержать равновесие.

Высоко, пестро заплакал хор. Вздогнули звезды и косо полетели по разным траекториям, как огни от бенгальской свечи.

Прошло еще полгода. Наступила осень.

Вахлаков куда-то исчез. Ходили разные слухи, им мало кто верил.

Семечкин тоже исчез. Говорили, что он вернулся в Госконцерт и уехал на Север, на метеорологическую станцию.

Никто не знал, куда девался Семечкин.

А за городом, на даче у начальницы отдела кадров Елены Ивановны, выросли в саду необыкновенные яблоки. Они были крупные: величиной в два кулака, ровные, розово-желтые с постепенным и точным растяжением цвета.

Люди несли со станции в наволочках сахарный песок для варенья, везли на тачках воду из колодца. То и другое тяжело было нести и везти по жаре.

Но когда люди видели яблоки, они останавливались и смотрели долго и молча, не испытывая зависти. Они смотрели и думали о том, что природа, должно быть, разумна, если она создала такое совершенство, которого так не хватало людям.

«Где ничто не положено»

У меня есть приятель, которого зовут Дориан. Он постоянно занят тем, что ищет смысл жизни, и презирает меня за то, что я не делаю этого. А я действительно не ищу. Я его знаю.

В данную минуту я сижу за столом, гляжу на своего ученика и думаю о том, что надо будет пойти и взять у Дориана ключ от его однокомнатной квартиры.

Я заранее знаю, какой у нас будет с Дорианом разговор, и мысленно проговариваю текст про себя. Пока я готовлюсь к предстоящей беседе, мой ученик Миша Косицын играет сонатину Клементи.

– Четыре и, раз и, два и... – гнусаво считает Миша и колотит по желтым потрескавшимся клавишам. Локти у него висят, пальцы стоят неверно. Надо бы подойти, поправить руку, но мне лень подниматься.

Сижу и думаю о предстоящем свидании.

Мы познакомились вчера в метро. Я запомнил имя – Гелана, я никогда раньше такого имени не слышал. И запомнил шапку – таких я тоже раньше не видел. Если Гелана придет сегодня в другой шапке, я просто не узнаю ее.

Я очень люблю бывать в обществе женщин. С ними я чувствую себя талантливей и значительнее, чем это есть на самом деле. И женщины любят бывать в моем обществе, потому что у меня хороший характер. Я ни от кого ничего не требую, и со мной легко.

– Дальше, – говорю я Мише. – Что там у тебя дальше?

– Ригодон, – тоненьким голосом отвечает Миша.

– Выучил? – спрашиваю, хотя понимаю, что вопрос этот праздный и риторический.

– Я учил, – говорит Миша, и уши у него становятся красными.

– Выучил или нет? – снова спрашиваю я и гляжу на часы. До конца урока осталось десять минут. Я предпочел бы не дожидаться конца, но за дверью сидит Мишина бабушка и тоже, наверное, смотрит на часы. – Пожалуйста, – говорю я.

– Три и раз... – кричит Миша. Я понимаю, что мелодии он не слышит совершенно, а процесс счета его занимает гораздо больше, чем процесс игры.

В Евангелии от Матфея сказано: «Где ничто не положено – нечего взять». В моих учениках, за редким исключением, ничто не положено. Почти все они без слуха, почти все провалились в музыкальной школе и теперь учатся в клубе просто так, для себя. Вернее, не для себя, а для своих родителей.

– Ре-диез, – поправляю я и снова смотрю на часы.

Миша перестает играть, глядит сначала на правую руку, потом на левую. Он не понимает, где нужно взять ре-диез.

– Хватит, – не выдерживаю я. – В следующий раз то же самое.

Миша поднимается из-за пианино, розовый и взмокший. Он стоит, смотрит в пол, мучаясь и мечтая выскочить скорее из класса. Я мечтаю об этом же самом, но почему-то задерживаю своего ученика. Я говорю ему о пользе учения вообще и музыкального образования в частности. О гармоническом развитии личности. О том, что сейчас Миша этого не ценит, а когда вырастет большой и сумеет оценить, – окажется уже поздно. И вот тогда-то Миша не сможет укушать свой локоть, который тем не менее будет очень близок.

Закончив беседу, я взглядываю на часы и, убедившись, что Мишино время истекло, выхожу с ним в коридор. Я выхожу, чтобы направиться к Дориану, но меня останавливает Мишина бабушка.

– Ну как? – спрашивает бабушка и смотрит с мольбой и с благоговением. Она так на меня смотрит, потому что я учитель. Учю ее внука благородному делу.

– Мало занимается, – строго говорю я.

Старуха горестно кивает, в руках у нее Мишина папка и Мишино пальтишко с заплатой на локте.

– А что делать? Как заставить? Мы уж бьем...

Старуха смотрит мне прямо в рот и ждет разумного совета. Самое разумное, что я мог бы предложить, – поменять Мише учителя. Но предлагать такое не принято, поэтому я говорю бабке то, что ей хочется от меня услышать. Я говорю, что внук у нее умный и серьезный, что он образумится, возьмет себя в руки и выучит наконец ригодон и сонатину Клементи.

Бабка радостно кивает, она верит каждому моему слову.

Людям свойственно надеяться и верить в хорошее.

Чтобы попасть к Дориану, надо спуститься ниже этажом. Я спускаюсь ниже этажом, иду через актывый зал.

В актывом зале обычно репетирует оркестр Московского радио. Они снимают в этом клубе помещение. Сегодня репетиция уже закончилась, музыканты почти разошлись. На сцене задержалась девушка-скрипачка. У нее светлые волосы, клетчатая юбка, и она похожа на немку. Девушка прижалась щекой к скрипке, отставив смычок, делает пиццикато. Я останавливаюсь, гляжу на нее и вспоминаю свое студенчество, то время, когда учился в Гнесинском институте и собирался завоевать мир.

Дориан обходит своих учеников, раздает им ноты и медиаторы – Дориан руководит оркестром народных инструментов, поэтому у него полные карманы пластмассовых медиаторов. Для себя он держит отдельный – черепаховый.

Дориан видит меня, выходит из класса и прикрывает за собой дверь. Глаза у него настроженные – он тоже знает предстоящий разговор и тоже, наверное, готовился к нему.

– Ты что сегодня делаешь? – спрашиваю.

Вместо ответа Дориан достает из-за пазухи афишу и разворачивает передо мной. С афиши на меня снисходительно смотрит мой сокурсник Толька Беляев. Под портретом большими красными буквами написана его фамилия, а пониже синими – Толькина программа: Бетховен, Спендиаров, Григ.

Ничто так не огорчает, как успех товарища. Я смотрю на красные буквы, на синие и говорю Дориану:

– Так что ты сегодня делаешь?

– Когда? – уточняет Дориан.

– Ну, с семи до десяти...

– Я иду в библиотеку сразу после работы.

– Очень хорошо, – говорю. – Я приду к тебе в гости, часов в семь.

– Как же ты придешь, если меня не будет? – наивно удивляется Дориан.

– А ты дашь мне ключ, – объясняю я.

Сейчас скажет: «Не дам».

– Не дам, – говорит Дориан.

– Почему? – ласково интересуюсь я.

Сейчас он скажет, что ему противно.

– Мне противно, – говорит Дориан.

Он нервничает, потому что знает: через десять минут, когда он окончит монолог, ключ будет у меня в кармане.

У Дориана очень дряблая воля, из него никогда бы не получился дрессировщик диких зверей. Дикие звери съели бы Дориана на первой же репетиции.

Через десять минут с ключом в кармане я возвращаюсь к своим дорогим ученикам.

Скрипачка уже ушла. Вместо нее на сцене с веником в руках стоит наша уборщица тетя Фрося. В одну из ее обязанностей входит не пускать в клуб хулиганов. Хулиганов тетя Фрося не пускает, да они и не стремятся. Все хулиганы района давно усвоили, что связываться с тетей Фросей неразумно. Затрачиваемая энергия намного превосходит отдачу.

Чтобы добиться в жизни успеха, надо уметь хотеть. Желать страстно. Вот тетя Фрося страстно охраняет клуб. Я страстно хотел завоевать мир – и не завоевал. А Толька Беляев, кстати, никогда не хотел завоевывать мир. Он хотел только играть.

Гелана пришла в шапке. Стояла возле памятника Маяковскому, и по тому, как она стояла, чувствовалось, приготовилась ждать долго.

Я подошел, невидимый со спины, и, улыбаясь, представлял, как трону ее сейчас за плечо, как она обернется и обрадуется, и мы вместе пойдем по улице, и она начнет молотить чепуху.

Я уже протянул руку, но в последний момент почему-то вдруг смутился. Стоять с протянутой рукой было неловко, и я все же тронул ее за плечо.

Далее действие начало развиваться странным образом: она действительно обернулась, но не удивилась, как я предполагал, и не обрадовалась, а посмотрела так, будто пыталась вспомнить, кто я и почему здесь стою.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался я, давая понять, что мы хорошо знакомы.

Гелана прищурилась, у нее было такое лицо, будто она решала в уме арифметическую задачу, и, ничего не сказав, пошла через площадь.

Я не знал, идти мне за ней следом или в противоположную сторону. Она остановилась. Я воспринял это как приглашение и подошел.

– Дайте мне две копейки, – потребовала Гелана.

Я вытащил мелочь, отобрал для нее монету.

– Я сейчас, – предупредила она и пошла к автоматной будке.

Я глядел, как она ступает в высоких сапогах, глядел на необыкновенную эту лохматую шапку и чувствовал смутное беспокойство.

Через минуту Гелана вернулась и сказала:

– Сначала занято, потом никто не подходит. Длинные гудки.

Мы пошли по улице Горького, мимо зала Чайковского. Я вспомнил, что последний раз был в зале Чайковского два года назад.

– Куда мы идем? – неопределенно поинтересовался я.

– К моей подруге, – сказала Гелана. – Я должна занести ей конспект.

– А это надолго? – Мне очень не хотелось заносить подруге конспект.

Гелана ничего не ответила, потом посмотрела на меня и спросила:

– Что?

Очень тонкое общение.

Дверь открыла подруга. Я заметил, что личико у нее бледненькое, а уши торчат перпендикулярно плоскости головы.

Они переглянулись с Геланой, как заговорщики, и скрылись на кухне, а я остался стоять возле двери.

Постояв так минут десять, я решил уйти по-английски, не прощаясь. Но в этот момент, когда я решил уйти, про меня вспомнили.

– А почему вы здесь стоите? – удивилась Гелана, высунувшись из кухни.

Это был довольно сложный вопрос, и я не сразу нашелся, как на него ответить.

– Проходите, пожалуйста! – гостеприимно откликнулась подруга и поманила меня пальцем.

Я правильно прочитал этот жест и доверчиво пошел следом за подругой. Она привела меня в комнату, а сама ушла обратно на кухню.

Кроме меня, в комнате оказалась старуха в штапельном платке с маленькой девочкой на руках.

– А кто это пришел? – громко спросила старуха у девочки. – Это папа пришел?

Девочка поглядела на меня серьезно и подозрительно и вдруг заплакала.

Я смутился, хотел выскочить за дверь, но в это время старуха медленно закружилась и запела:

*Съезжались к загсу трамваи,
Там пышная свадьба была...*

Девочка перестала плакать, и личико ее с висящей слезой на щеке было ясное.

– А как мы поймаем голубя за хвост? – спросила старуха.

Девочка вытянула пальцы, потом собрала их в кулачок и снова вытянула.

– А как Наташенька делает «дай-дай»?

Наташенька вытянула пальцы, потом собрала их в кулачок и снова вытянула.

Старуха снисходительно на меня посмотрела, ища на моем лице следы восторга и зависти.

– А как Наташенька делает «папа, иди сюда»?

Наташенька, не балуя разнообразием программы, снова повторила тот же самый жест.

– Видал, что деется? – похвасталась старуха и, чтобы сделать мне приятное, сказала: – А Лека – девка самостоятельная. Сама шить может и вяжет на спицах. И учится на «пять», не то что наша...

Я посмотрел на часы, было начало девятого. Старуха тоже посмотрела на часы и, вручив мне девочку, вышла из комнаты. Я думал, что она пошла за Геланой, но старуха возвратилась одна, держа в руках блюдечко с творогом.

– А сейчас нам дядя споет песенку про уточку... – пообещала она.

Такой песни я не знал и запел побочную партию из симфонии Калинникова.

– Чу, завыл, как баптист, – обиделась старуха. – Спой что быстрее...

– Но я не хочу петь! – запротестовал я.

В это время в комнату заглянула подруга и, сориентировавшись в обстановке, сказала:

– Они кормят, подожди еще немного...

Дверь закрылась, и голоса стали глуше. Я слышал, как подруга сказала: «Только, пожалуйста, не делай глупостей», а Гелана ответила: «Мало ли я делала глупостей, пусть будет еще одна...»

Через час, оглохший и отупевший, я вышел на улицу. У меня было такое состояние, будто я проработал целый рабочий день – причем не сегодняшний, а тот далекий, когда еще работал добросовестно.

– Дайте мне две копейки, – потребовала Гелана.

Двух копеек у меня не было, и я зашел в продовольственный магазин. Кассирша менять деньги отказалась, резонно заметив, что мелочь ей нужна больше, чем мне. Чтобы получить как-то две копейки и не испытывать при этом унижения, я купил румынский коньяк.

Гелана ушла звонить, а я остался ждать, когда она выйдет из будки.

Мне больше не хотелось к Дориану, а хотелось домой. Хотелось поесть, а потом развалиться в кресле и, вытянув ноги, почитать «Известия».

Гелана вдруг выглянула из телефонной будки и, не сказав ни слова, потащила меня внутрь.

– Позовите Сашу мужским голосом, – приказала она и сунула телефонную трубку к моему уху. Глаза у нее были какие-то стремительные, будто она разбегалась для прыжка в воду.

– Позовите Сашу, – послушно повторил я максимально мужским голосом.

– А кто спрашивает? – поинтересовался женский голос.

– Кто спрашивает? – Я зажал мембрану ладошкой.

– Алексей, скажите, Алексей...

– Алексей, – повторил я.

– Сейчас... – подумав, сказал женский голос.

– Сейчас, – передал я Гелане и протянул ей трубку.

Она посмотрела на меня с ужасом и осторожно взяла трубку, почему-то двумя руками.

Я вышел на улицу. Шел снег, редкий и крупный. Мне показалось, что я уже стоял однажды на этом месте, видел такие вот деревья и фонари.

Гелана вышла из будки, остановилась возле меня, натянула зубами варежку.

– Ну, куда теперь? – уточнил я.

– Поедем к вам.

– Ко мне? – Я очень удивился, и это, наверное, выглядело невежливо.

– Ну да... – не обидевшись, объяснила Гелана. – Куда вы меня весь вечер тянете, вот туда и поедем.

Она посмотрела на меня стремительными своими глазами. А я, глядя в эти глаза, подумал, что из нее получился бы превосходный дрессировщик диких зверей. Во всяком случае, меня она могла заставить делать все, что угодно.

Я никак не мог открыть квартиру. Я вставлял ключ бородкой вверх, а надо было как раз наоборот, бородкой вниз.

Наконец я все же открыл дверь. Гелана прошла первая и тут же начала торопливо раздеваться. Зачем-то сняла свои сапоги и в одних чулках прошла в комнату. Я подумал, что, может, родители у нее сибиряки или японцы. Обычно в Сибири и в Японии у порога снимают обувь.

– Ну? – сказала она и поглядела на меня глазами, ясными от отвращения.

Я не понимал, что значило это «ну». Я вообще ничего не понимал, меня просто парализовало ее отвращение. Я стеснялся повернуться спиной – понимал, что у меня плоский затылок. В детстве мама не перекладывала меня с боку на бок, я лежал все время на спине, и затылок от этого остался плоским.

Я боялся повернуться в профиль, потому что у меня ничтожный нос. Боялся стать фас, хотя ничего явно компрометирующего в моем фасе нет.

Боялся стоять на месте, чтобы не выглядеть балбесом. Боялся двигаться, потому что у меня отвратительная походка: ноги где-то впереди туловища, и когда я иду – впечатление, что сейчас упаду на спину.

Проклиная все на свете, я подошел к столу, сел и выпил несколько глотков прямо из бутылки. Стал ждать, когда начнет пошумливать в голове, надеясь, что, может, это освободит меня от ущербности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.